

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 5

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Двадцать два несчастья

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 5

«Автор»

«Автор»

2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 5 / Д. Сугралинов — «Автор»,
«Автор», 2026 — (Двадцать два несчастья)

Судя по статистике, чем больше город, тем больше там всего происходит. Казалось бы, если Серега из Казани уехал в небольшой райцентр, то что такого там может случиться? Совершенно ничего, если это, конечно, не Морки. Продолжение приключений Сергея Епиходова, суслика Валеры и скандального Пивасика в Морках. А ведь совсем рядом есть еще маленькая деревушка Чукша, и там Сереге тоже придется работать...

Примечания автора: Все описанные в книге медицинские ситуации, действия персонажей, комментарии о здоровье, питании и образе жизни представлены исключительно в художественных целях. Они не являются врачебными рекомендациями, не предназначены для самостоятельной диагностики или лечения и не заменяют консультацию квалифицированного специалиста. Перед применением любых методов, описанных в тексте, необходимо обращаться к врачу.

© Сугралинов Д., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Фонд А., Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 5

Глава 1

Сегодня пришлось вставать аж в четыре сорок пять утра. Хотел добраться до Морков пораньше, чтобы впереди был целый день, за который нужно успеть сделать все то, что запланировано.

А запланировано было многое: во-первых, поселиться в новом жилье и разместить зоопарк; во-вторых, пойти устроиться на работу, познакомиться с коллективом и по возможности начать вливаться в процесс, потому что и так уже затянул, а время не резиновое; и в-третьих, вернуться домой полным сил, приготовить еду на следующие дни, а также навести в чужом доме, который теперь будет моим, хотя бы минимальный порядок: помыть полы, протереть пыль, продезинфицировать поверхности.

Для всего этого требовалось время, вот и пришлось вставать так рано. Честно скажу, еще даже в той, прошлой, жизни ранние подъемы я категорически не любил, но был на них обречен. Я давным-давно внушил сам себе, что это привычка и что мне это все ужасно нравится (принцип «если не можешь бороться — возглавь»).

На самом деле нет, я совершенно не понимаю людей, которые считают себя жаворонками и могут просыпаться рано с лучезарным настроением. Я же вставал всегда на морально-волевых и дисциплине. И в этом теле все повторялось, Серега явно был той еще совой.

Кстати, деление на сов и жаворонков не выдумка и не отмазка для лентяев. Это циркадные ритмы, они у каждого свои, и волевым усилием их не перекоишь. Ученые считают, что такой разброс достался нам от предков: в племени всегда кто-то бодрствовал: одни на рассвете, другие за полночь, — и благодаря этому костер не гас, а хищники не заставляли всех спать. Удобно, если ты в саванне, а вокруг бродят саблезубые тигры. Неудобно, если ты сова, а подъем в четыре сорок пять.

В общем, было уж слишком рано, я не выспался, и настроение стремительно скатилось вниз. Проснувшись, я поскорее встал, чтобы заткнуть противно трезвонящий будильник на телефоне. Валера что-то там мяукнул и даже не соизволил вылезти из своей лежанки.

— Вставай, лежебока, — хмуро буркнул я, раздраженный тем, что мне вот пришлось подниматься, а эта скотина так нагло лежит и сладко дрыхнет.

— Щас спою! — истошно заверещал Пивасик из клетки. Когда я включил в комнате свет, он тоже проснулся, что радовало.

— И тебе привет, пернатое недоразумение, — проворчал я.

И поплелся в ванную умываться, а когда вернулся, обнаружил, что Пивасик смотрит на Валеру, который притворяется спящим, и кричит:

— Суслик! Валера — суслик!

— Я тоже так считаю, — одобрительно сказал я. — Точно, самый настоящий наглый суслик.

Валере это явно не понравилось, но он поленился комментировать и продолжил дрыхнуть.

Затем был этап номер два — впихнуть в себя завтрак.

Я понимал, что, возможно, придется срочно бежать на работу, могут возникнуть еще какие-то непредвиденные обстоятельства, и нормально поесть не получится. Так что пришлось буквально заталкивать в себя еду, а делать этого ой как не хотелось. Хорошо, что я с вечера все

подготовил — осталось только плеснуть кипятка в джезву, чуток подогреть и сделать эдакий экспресс-кофе за две минуты.

Вместо полноценного завтрака я ограничился орехами и творожком, добавив туда немножко меда. Утром, когда очень не хочется есть, творожок как-то полегче проскальзывает, чем все вот эти бутерброды, каши и прочее. А в кофе я добавил чайную ложку оливкового масла.

Такой завтрак я выбрал не из гурманских соображений, а по вполне рациональным причинам. Утром, особенно при раннем подъеме, пищеварение еще толком не разогналось, и тяжелая еда скорее мешает, чем помогает. Белок из творога усваивается постепенно, давая сытость без ощущения камня в желудке, орехи добавляют немного «длинной» энергии за счет жиров, а мед — быстрый толчок для мозга. Кофе с оливковым маслом — тоже не экзотика, а способ сгладить резкий удар кофеина, чтобы энергия высвобождалась ровнее и без последующего провала. В итоге организм получает топливо, но не перегружается, а это ровно то, что нужно, когда впереди неизвестно сколько часов на ногах и без нормального обеда.

На трапезу в кухню причапал Валера и посмотрел на меня требовательным и внимательным взглядом.

— Да, братец, пять утра, а ты жрать всегда готов, — проворчал я, но немного кошачьего корма ему положил.

— Балбес! — радостно сообщил Пивасик, раскачиваясь на жердочке в клетке и умильно глядя на меня в ожидании еды.

Я сыпнул ему совсем немного корма — не хватало еще, чтобы он начал гадить прямо в машине.

Остро встал вопрос, брать ли лоток Валеры с собой? Он был объемным, да и мешок с наполнителем весил прилично. Подумав, я решил, что лоток не возьму. Если буду там жить в частном доме, пусть кот учится ходить во двор, как все порядочные деревенские голодранцы. Что я и озвучил Валере.

Но тот алчно жрал, а значит, все мои нотации пропустил, как обычно, мимо ушей.

Я сделал двойную проверку и убедился, что сумки собраны: продукты, те, что скоропортящиеся, доедены; остальные или упакованы — я собирался их взять с собой, — или, если это консервы, разложены по полкам в ожидании моего возвращения.

— Ну что, ребята, по коням?

Я быстренько оделся (сегодня в связи с отъездом пробежка отменялась — Танюху предупредил заранее) и вызвал такси. На телефоне высветилось уведомление, что машина придет через семь минут — прекрасно, как раз успею собрать свой зоопарк и потихоньку выйти на улицу.

У меня было две увесистых сумки с вещами, причем одну из них в основном заполняли манатки Валеры и Пивасика и немного продуктов. Во второй котомке лежало то, что принадлежало мне.

— Что-то долго ты! — Танюха уже ждала меня у подъезда, зябко ежась.

— Привет, — пробормотал я и поставил переноску с Валерой и клетку с Пивасиком на лавочку. — Я же сказал, что сегодня бегать не буду.

— Помню, — усмехнулась Танюха.

— Тогда посторожи зоопарк, я за сумками схожу, — ворчливо попросил я и сделал второй заход в квартиру.

Когда вернулся, Танюха гладила Валеру сквозь «окошко» в переноске.

— Бедненький, — жалостливо сказала она, — непонятно, в каких условиях ты там жить теперь будешь... Может, мерзнуть придется...

— Я спальный мешок взял, — огрызнулся я.

— А я не тебе, — хихикнула Танюха, — а Валере говорю.

— Так, может, заберешь его, а? — окрыленно спросил я. — У тебя ему тепло будет и уютно.

— Нет, Епиходов, — укоризненно покачала головой Танюха, — сам зоопарк развел — сам и возись теперь. А мне и своих забот хватает!

Послышался шум двигателя — подъехало такси.

— Это за мной, — вздохнул я и принялся грузить сумки в багажник.

Когда все было уложено, а Валера с Пивасиком устроены на заднем сиденье, я кивнул соседке:

— Ну бывай, подруга. Надеюсь, ты продолжишь заниматься и бегать.

— Бывай! — крепко обняла меня она, затем отстранилась и сказала, пихнув мне в руки сверток. — А это тебе!

— Что это? — не понял я, рассматривая небольшой пакет.

— Там бутерброды с сыром, — пояснила Танюха, — а то я тебя знаю, сейчас приедешь, забегаешься и поешь забудешь.

Машина выехала со двора, а я все еще улыбался: так приятно, когда кто-то о тебе заботится.

Поселок городского типа Морки можно было бы описать всего парой слов, как в былые времена говаривали классики: на берегу реки N живописно раскинулся город N. Но все дело в том, что никакой реки в Морках отродясь не протекало, зато возлежали аж целых два озера и даже бил фонтан, если, конечно, верить информации на официальном сайте администрации, который я внимательно изучал по дороге.

Правда, никаких фонтанов и озер я в Морках не увидел. Потому что нанятый таксист повез меня сразу по тому адресу, где я планировал снять дом. Хорошо, что мы еще вчера по телефону договорились с хозяином, что он будет ждать меня прямо на месте, потому что с таким зоопарком в холодрыгу ходить по Моркам не с руки. Валера, который всю дорогу спал в переноске, вел себя нормально, а вот Пивасику путешествие явно пришлось не по душе.

Первоначально, как только я занес клетку и поставил на заднем сиденье, он дико возбудился, начал непристойно материться, обзывать таксиста сусликом и еще похуже. Когда водила, не выдержав потока брани из клюва этой маленькой хрупкой птички, возмутился, Пивасик хриплым прокуренным женским голосом запел «Матушка-земля». И эта песня, которая так полюбилась простому народу, в исполнении Пивасика почему-то звучала крайне отвратительно и даже пошло.

Поэтому пришлось по совету таксиста накинуть на клетку свою куртку: хорошо, что я в дорогу надел не дорожную, брендовую, которую отдала мне Танюха, а свою, вернее, Серегину, старую, в которой бегал по парку. Даже если Пивасик изгадит мне пометом — это не столь катастрофично.

Дорогу, сто километров с хвостиком, мы осилили меньше чем за два часа. Выехали рано утром, еще в шесть утра, когда машин почти не было, а периодически попадающиеся фуры таксист уверенно обгонял. Заодно я еще раз убедился, что правильно отказался, когда Серегин отец предлагал отвезти меня на своей машине: пожилой человек, незнакомая дорога — не дай Бог с сердцем станет плохо или еще что, — ему назад одному возвращаться. А я буду потом переживать. Поэтому ничего страшного, не такие уж и большие деньги.

— Приехали, — буркнул таксист, неразговорчивый дядька, который, после того как удалось заткнуть Пивасика, сделал радио погромче и со мной в разговоры не вступал.

Я вышел из машины, и дядька помог вытащить две большие сумки из багажника, а также клетку с Пивасиком и переноску с Валерой.

— Бывай, — сказал он и резко рванул с места в другую сторону. Видимо, подберет еще несколько человек и таким образом отобьет дорогу дважды.

— Ну что, ребяташки, добро пожаловать в Морки, — оптимистично сказал я Валере и Пивасику.

Кот не отреагировал, а на клетке до сих пор была моя куртка — снимать ее, чтобы шокировать хозяина дома репертуаром попугая, я покамест поостерегся. Не дождавшись ответа, я подхватил все это добро и двинулся к дому.

Ворота оказались довольно новыми, хотя синяя краска уже кое-где слегка облупилась. Я вошел во двор и обратил внимание, что он не был заасфальтирован и весь густо зарос травой, практически по пояс, давно уже сухой и побитой непогодой. Но дорожка к дому была протоптана — и я осторожно пошел вперед.

Поднялся по трем поскрипывающим ступенькам и постучал, так как никакого звонка на двери не было. Некоторое время стояла тишина, и я решил, что хозяин передумал, начав перебирать варианты дальнейших действий. Что мне с вот этим всем бараклом и зоопарком делать? Куда бежать и где искать новое жилье? Или же сразу на работу? Может, лучше такси вызывать? Но куда ехать? В больницу с Пивасиком соваться явно не стоит...

Но тут в доме послышался какой-то шум, дверь распахнулась, и на веранду вышел хозяин. Это был невысокий, заросший буйной растительностью мужичонка лет сорока с голубовато-водянистыми и очень добрыми глазами на широком лице.

При виде меня он расплылся в улыбке.

— О, ты наш квартирант? Из Казани? А я уже думал, не приедешь, — сказал он, запросто переходя на ты. — А чегой не заходишь?

— Так я стучал, — сказал я.

— Ты что, не знаешь, что в деревне без толку стучать? Не-е-е, надо сразу заходить и кричать.

Этого я не знал, как истинно городской житель. Для меня все это было в диковинку.

— А почему звонок не повесите? — спросил я.

— Да был тут звонок, но предыдущие квартиранты... — Он осекся, воровато зыркнул на меня и махнул рукой. — Проходи давай.

— Еще раз напоминаю, — сказал я, — что у меня котенок и попугай.

— Ой, да что там они! Вот у меня был один квартирант — доберманов разводил, — осуждающе покачал головой хозяин. — Так брал сук и щенков прямо в дом, такую вонючку развели — мама дорогая! А что за попугай? Какой породы?

Я пожал плечами:

— Не доберман.

Он усмехнулся, внимательно посмотрел на меня и сказал деловым голосом:

— Анатолий. — После чего протянул руку для пожатия.

— Сергей, — представился я и крепко стиснул ладонь, неожиданно оказавшуюся довольно твердой и крепкой.

— Вот и познакомились, Сергей из Казани. Но ты не волнуйся, у нас тут тоже цивилизация! Тебе понравится у нас жить. Люди здесь хорошие! А воздух какой! Как мед!

Он подхватил одну из моих сумок, самую тяжелую, а также переноску с Валерой и пошел вперед. Не мешкая, я взял клетку и вторую сумку и отправился за ним. Мы прошли через холодную веранду в теплую, оклеенную цветастой желтой клеенкой прихожую, где горел свет и темнели три двери.

— Вот здесь, — сказал Анатолий, поставив сумку и переноску с Валерой на пол, и указал на одну из створок, — кухня, будешь готовить там. Газ проведен, — гордо сказал он и повторил: — Ты не думай, у нас тут цивилизация! Пошли, покажу.

Мы свернули в узкое длинное помещение, в котором держались запахи вареной свеклы и еще чего-то невыносимо неприятного — видимо, какого-то корма для свиней или скотины.

Увидев, как я приноживаюсь, Анатолий хмыкнул:

— Ты это... Не думай. Здесь просто жила семейная пара, они держали свиней и корову, готовили им еду, поэтому еще не выветрилось. Но я надеюсь, что ты хоть свиней заводить не будешь? А то соседи возмущаются.

— Почему возмущаются? — не понял я.

— Так, известное ж дело: свиньи, коровы... Летом от них мухи, вонища. А у нас с той стороны дачники приезжают аж из самой Йошкар-Олы, семья порядочная, рыбой торгуют, у них магазин там свой. Конечно, им это все не нравится. А с другой стороны — бывшая почтарка с сыном живет, тоже интеллигентные люди. Конечно, им свиней не хотелось бы. Но я надеюсь, что ты не будешь свиней заводить? — с затаенной надеждой посмотрел Анатолий на меня своими добрыми голубыми глазами. — Не будешь мне тут цивилизацию портить?

— Нет, нет, не буду. Я врач, тоже почти интеллигентный человек, — сказал я, тщательно пряча усмешку. — Приехал сюда к вам работать.

— Правда врач?! — охнул обрадованно Анатолий. — У нас больницы аж две есть — районная и вторая еще... платная. Но туда я редко хожу, потому что дорого.

— Вот и замечательно, а далеко до больницы? — поинтересовался я и на всякий случай уточнил: — До районной.

— Да нет, там всего два квартала пройти. Вот выйдешь из дома направо, пройдешь две улицы и там возле закусочной повернешь налево, потом еще немного — там спросишь. Можно напрямик срезать — и увидишь больницу. А ты какой врач? Зубной? — с надеждой спросил Анатолий. — Ты коронки ставишь?

— Нет, я хирург, — ответил я. — Точнее, нейрохирург.

Анатолий с важным видом покивал, но, видимо, так и не понял, что такое нейрохирург, и продолжил показывать дальше:

— Вот здесь включается газ. Смотри, краник поворачиваешь — и котел включается. Но когда будешь уходить, если надолго, лучше выключать, потому что все может быть, сам понимаешь.

Я понимал.

— А вот здесь у нас печка — бывает, что газа нет или какие-то проблемы, всегда можно подтопить дровами. Они в сарае, я как знал, что понадобятся, купил. Кум подсobil, по дешевке достались.

Печка была старая. Анатолий посмотрел на нее и с какой-то напускной ностальгией сказал:

— Еще от моей бабушки осталось, это ее дом. Я его обновил, сделал пристройку... Нормально тебе будет. Говорю же, цивилизация.

Я уже и не спорил. «Нормально» — оно ведь очень разное у всех. Как и «цивилизация». Для какого-нибудь изолированного племени Амазонии и туалетная бумага вместо листьев филодендронов — прогресс. Но вступать в полемику смысла не было, потому что вряд ли я тут найду что-то лучше.

Так что я задал самый важный и в то же время очень простой, как мне казалось, вопрос:

— А вода у вас есть? — Заметив, как помрачнел Анатолий, сразу уточнил альтернативу: — Или к колодцу ходить?

Вопрос-то, может, был и простой, но хозяин дома впал в ступор.

И тогда я понял, что уровень нормальности у нас с Анатолием кардинально различается.

Глава 2

Крепко подумав, Анатолий наконец ответил:

— Ну, как, это у нас поселок городского типа, у нас все есть — и вода, и канализация...

— Цивилизация, — кивнул я.

— Ага. Но только это... просто я этот дом не подключал к канализации, поэтому вот так. А вода есть, да. В пристройке я забавал ванную и даже сортир теплый. Но ты лучше в теплый сортир особо не ходи, потому что септик я давно не менял и будет вонять на весь дом. Там, во дворе, все удобства есть, — с гордостью сказал Анатолий.

— А слив? Или, получается, помой надо носить руками?

— Нет, слив нормальный, кроме туалета. Я ж говорю.

Обсудив столь важные проблемы, Анатолий показал небольшой шкафчик, где было две кастрюли и кое-какая посуда, потом электроплиту с двумя конфорками и стол на кухне, две табуретки. Обстановка была так себе, но главное — более-менее чистенько и жить можно, тем более временно.

Дальше мы вышли в коридор и заглянули в следующую комнату, которая оказалась чем-то вроде гостиной.

Комната представляла собой довольно большое помещение, длинное и пустое. Стены были оклеены обоями в цветочек. В одном углу стояли разложенный диван, чуть покосившийся и продавленный, стол, два деревянных стула со спинкой, а также полированный темно-коричневый шкаф с раскрытыми дверцами — тоже какой-то немножко косою.

— Ну вот, — добродушно развел руками Анатолий. — Такие удобства. Если тебе еще какие-то нужны будут — кресло там или еще что-то, это уже сам решай...

Я кивнул.

— А на сколько ты хочешь поселиться?

— Ну, пока на месяц, — сказал я. — А дальше будет видно.

— Как на месяц? Я думал, ты хотя бы года на два у меня, — расстроился Анатолий.

— Я не могу ничего сказать, пока не поговорю с руководством больницы.

— А, ну да, — махнул рукой Анатолий. — Ты, главное, на их служебные квартиры не соглашайся.

— Почему? — спросил я.

— Да турнут тебя куда-то на задворки, — хихикнул он. — Ты просто там общагу не видел, какой ужас творится: один унитаз, все душевые забиты и тараканы размером с тельца. Никакой цивилизации.

Нет, в общагу я не хотел точно.

— Ну вот, мой номер телефона у тебя есть, если что — звони, обсудим, — сказал Анатолий. — А пока пошли, покажу пристройку, где ванная с туалетом.

Он показал мне небольшое помещение, очень холодное. Я не представлял, как тут принимать ванну... Впрочем, почему нет, буду, значит, закаляться.

Обсудив еще кое-какие бытовые вопросы с Анатолием, я перевел ему плату за один месяц и получил ключи с уверением, что все будет хорошо, а также разрешением звонить в любое время.

Анатолий с этим отбыл, а я провел его до ворот и вернулся обратно.

После чего открыл переноску и выпустил Валеру.

Кот вылез и, брезгливо переступая лапами, прошелся по коридорчику, принюхиваясь и раздраженно фыркая. Хвост его злобно ходил ходуном.

— Что, не нравится тебе? — прокомментировал я. — Конечно, из грязи в князи, смотрю, быстро же ты зазвездился, Валера. Уже забыл, как на родной помойке сидел и почитал за сча-

стье, если дождь не капает на башку. А теперь, видишь ли, такая хата тебе по статусу не подходит.

Но Валера решил не отвечать на мое обидное замечание и юркнул на кухню. Пока он там осматривался, я снял куртку с клетки Пивасика, и дом наполнил негодующий клекот. Попугай был глубоко возмущен, возможно, даже больше, чем Валера, тем, что ему пришлось все это время сидеть в темноте. Ведь он же прекрасно слышал, что за пределами темноты все разговаривают и что-то там происходит.

— Позор-р-р! — проскрипел Пивасик и добавил, гневно глядя на меня: — Суслик!

— Сам ты суслик! — возмутился я. — Еще раз на хозяина клювом невосхищенно шелкнешь и полетишь ты, голубь сизокрылый, прямиком в теплые края — это я тебе очень быстро устрою.

Не знаю, понял ли Пивасик, что я сказал, но, видимо, понял, потому что заткнулся и некоторое время не говорил ничего, только люто зыркал. Я внес клетку в комнату, так как там было все-таки теплее, чем в коридоре. Хорошо, что Анатолий сам включил отопительный котел. Потому что я не очень запомнил, как это делать — надо будет при случае потренироваться.

Затем я, морщась от неприятного запаха в чужом пока доме, разложил часть вещей, вытащил костюм, повесил на плечики, переделся нормально, поставил Валере корм и воду, то же самое проделал для Пивасика, развернулся и двинул в больницу.

— А вы, ребята, ведите тут себя хорошо, — напоследок сказал я и вышел на улицу.

Я помнил, что Анатолий советовал свернуть сперва вправо, затем вроде влево. Или снова вправо? На первый взгляд, этот микрорайон поселка был выстроен квадратно-гнездовым способом, но сориентироваться без дополнительной подготовки оказалось невозможно.

Вытащив телефон, я попытался врубить навигатор, но тот никак не мог поймать сигнал.

Немного помучившись, решил действовать старым дедовским способом — то есть путем опроса местных жителей.

Но так как на этой улице местных жителей не было, пришлось пройти немного дальше, вдруг кого-нибудь да встречу. И правда, на следующем повороте от крайнего дома услышал голоса — мужской и женский. Женский голос кричал:

— Уйди, гад! всю жизнь мою погубил! Уйди, чтоб я больше тебя не видела! Говорила мне мамка, чтобы я за тебя не шла, так нет, дура, по-своему сделала, а надо было слушаться! У-у-у, скотина!

— Нупусти, Любка, прошу... умоляю тебя! Я же немного только... ик! Ну, Любка... Любонька... ну что ты сразу выгонять... — гнусаво гудел мужской голос, — ты же меня этим убиваешь. Детей хоть пожалей! А может, уже кого приглядела себе? А?! Отвечай, сука! Убью! А-а-а-а!

— Да иди ты в жопу, алкаш конченный! — заверещал женский голос, переходя в визг. — А-а-а-а! Лю-у-у-уди, спасите! Ой, спасите, людоньки-и-и-и!

— Заткнись, дура! — прорычал мужской. — Ик! Я здесь хозяин!

— Убивают! А-а-а-а! Спасите! Ой, помогите, люди добрые-е-е-е-! — Голос сорвался на визг, переходя в рыдания.

Через секунду из дома вылетела растрепанная толстая женщина в одной калоше, запахивая на ходу халат. За ней медленно, тяжело топая, бежал всклокоченный мужик в разорванной на груди майке, с дико вытаращенными глазами и двухлитровой баклажкой пива в руках:

— Стой, дура! Стой, сказал! — прорычал он, бережно прижимая бутылку к груди. — Догоню — пожалеешь! Ик!

Женщина отреагировала тем, что еще пуще припустила вокруг дома. Мужик, со всей дури споткнувшись о разбросанные во дворе дрова, упал, выпустив бутылку из рук, та шмякнулась оземь, и из нее с шипением полилось пиво.

— Ай-яй-яй! — взвыл мужик, хватаясь за ушибленное колено.

— Так тебе и надо, убивец! — демонически захохотала женщина и продемонстрировала супругу две фиги. — На! Вот тебе! Вот! На! Выкуси накуси! Скуф!

— Чтоб ты сдохла, тварь! — крикнул мужик и запустил в нее поленом, попав в оконное стекло, которое разлетелось вдребезги.

— Лучше бы ты голову себе разбил, скотина пьяная! — зло взвизгнула толстушка сквозь громкие рыдания.

Вся эта сцена заняла примерно полминуты, и пока я подбежал к забору, спасать уже никого не надо было — хозяин сидел посреди двора и мрачно лелеял ушибленную ногу, а его жена молча взирала на прореху в окне, утирая злые слезы.

— А это наш многоуважаемый Ерофей Васильевич Смирнов и его несравненная супруга, Любовь Павловна, — торжественно прозвучал голос справа, и я увидел, как от соседнего двора неспешно выходит колоритный дед с некогда огненно-рыжей, а нынче седеющей шевелюрой. — Здравсьте!

— Здравствуйте, — ответил я и кивнул на матерящихся супругов. — Часом, не знаете, что здесь происходит?

— Отдыхают Смирновы, не обращайтесь внимания, — чинно улыбнулся дед и вытащил сигарету. — Обычно это надолго, а они нынче третий день только в запое. Так что не берите в голову.

— Понятно, — сказал я и решил спросить дорогу у деда, — извините, я немного заблудился. А как пройти к больнице?

— О! Так вы и есть наш новый врач? — возбужденно потирая руки от переизбытка эмоций, сказал дед, сразу забыв о сигарете. — Сергей Николаевич Епиходов?

— Ага, — изрядно удивился я. — А вы откуда знаете?

— Да как же мне не знать? — даже слегка обиделся колоритный дедок, но затем вспомнил о сигарете и принялся ее раскуривать.

Ковыряться долго и многозначительно, нагнетая мхатовскую паузу. Лишь когда огонек зажегся, и он выпустил струйку густого едкого дыма, продолжил:

— Я, почитай, в Морках всю жизнь живу, Сергей Николаевич. Во как! Только когда в армии был, то не в Морках, ясен пень, обитал, а так-то туточки все время!

— Хм... очень информативно, — осторожно сказал я. — Но только я так и не понял, откуда вы обо мне знаете?

— Ну а как же? — снова почти обиделся дедок, после чего снисходительно ответил: — Я ж говорю, что все туточки знаю. Почитай, в Морках всю жизнь живу...

Поняв, что разговор пошел по второму кругу и добиться от дедка ничего внятного не удастся, я вздохнул и осмотрелся в надежде, что увижу кого-то еще из местных жителей, поадекватней, и таки выясню дорогу в больницу. Почему-то спрашивать у дедка мне расхотелось. Ну вот не внушал он мне доверия, и все.

Впрочем, он, видимо, был об этом совершенно иного мнения, потому как снова осмотрел меня и, выпустив клуб дыма, заметил:

— Так вы, сталбыть, в больничку нашу направляетесь? — И окинул меня задумчивым взглядом.

— Да, — признался я, — только вот заблудился слегка, а навигатор не хочет показывать.

— А как ему показывать-то? — снисходительно хмыкнул дед. — Ты же, мил человек, в Морках находишься, а не где-нибудь. В Морках, Сергей Николаевич, никогда ни один навигатор работать не будет.

— Почему? — удивился я.

— Потому что это Морки, — многозначительно ответил дедок и для дополнительной иллюстрации поднял палец с пожелтевшим от никотина ногтем.

На эту сентенцию я философски пожал плечами. Всяк кулик свое болото хвалит. Любой человек так про свой город рассказывает — послушаешь, так он и красивее Парижа, и удобнее Сингапура, и вообще лучшее место на земле. Так что восхвалению Морков я не придал никакого значения. И, как оказалось, зря. К словам колоритного деда нужно было прислушаться.

Тем временем, пока мы беседовали, вышеупомянутый Ерофей Васильевич Смирнов и его несравненная супруга, Любовь Павловна, помирились. Говорят, у коренных народов Америки символом примирения, доверия и установления добрососедских отношений является священный акт раскуривания так называемой трубки мира. У четы Смирновых такой трубки в данный момент не нашлось, видимо, поэтому они решили модифицировать данный ритуал в распитие «чекушки мира».

Ерофей Васильевич успел смотаться куда-то и быстренько телепортировался обратно уже с выпивкой. За стопкой бегать не стал. Устал, видимо. А Любовь Павловна тем более. Ибо не женское это дело, как известно, добытчицей быть.

Поэтому они пустили чекушку мира по кругу и уже на втором раунде сцепились не на жизнь, а на смерть:

— Изменщик! — верещала многоуважаемая Любовь Павловна и пыталась стянуть с Ерофея Васильевича штаны. Видимо, чтобы убедиться.

— Уймись, дура! — отбивался он как мог, придерживая одной рукой штаны, а второй — чекушку с остатками водки.

— Победит Любовь Павловна, — внимательно наблюдая за борьбой, многозначительно сообщил дедок и, видя мое недоумение, пояснил: — Она всегда побеждает. Огонь женщина! Такая и коня на скаку может, и даже бегемота...

Что конкретно Любовь Павловна может с конем и бегемотом, дедок уточнять не стал, вместо этого молодцевато крякнул и с намеком подкрутил некогда рыжий, а нынче седой ус, вероятно, для иллюстрации своего отношения к данному вопросу.

Так как это все мне надоело, а время неумолимо шло, я опять спросил:

— Так как до больницы пройти? — И испытующе посмотрел на дедка в ожидании, что он наконец укажет мне светлый путь, и я смогу хоть как-то сориентироваться в нагромождении абсолютно однотипных улиц и домов.

— Туда надо идти, — тем временем печально сказал дедок и показал направление рукой.

Я горячо поблагодарил словоохотливого селянина и пошел, куда послали. В спину доносились истошные крики четы Смирновых.

Больница в Морках представляла собой типичное здание: точно такие же имеются практически в каждом райцентре нашей необъятной родины, независимо от того, восток это, запад, юг, север.

Я подошел к дежурившей в регистратуре миловидной девушке и спросил, где могу найти главврача. Она зыркнула на меня неблагоприятно и сказала, поджав губы:

— Вам сначала к терапевту надо. Давайте я вам талончик дам, карточка у вас здесь?

— Нет, нет, вы не так поняли, — торопливо поправился я. — Мне к главврачу, я на работу устраиваться. Я тоже врач.

— Врач? — В глазах девушки вспыхнуло пламя любопытства. — Епиходов, да? Сергей Николаевич?

Я удивился. Боже, еще не успел приехать, а обо мне уже все знают.

— Да, — кивнул я. — Где главврач?

— Александра Ивановна сейчас поехала в администрацию, поэтому вы подождите немного. Она где-то через полчаса будет. Или через час.

— Хорошо, — вздохнул я и окинул взглядом коридор, где не было ни единого стула. Видимо, придется эти полчаса стоять.

Девушка, разгадав мой взгляд, улыбнулась:

— Идемте, Сергей Николаевич, я вас проведу. У нас здесь есть комната отдыха для персонала.

Она выскочила из регистратуры. Я еще удивился, что так запросто бросила работу, правда, никакой очереди и не было, и повела меня по коридору. Мы свернули в одну сторону, в другую и зашли в комнатку, где на двери было написано: «Служебное помещение. Не входить!».

В комнате оказался длинный стол, видимо, все праздники отмечались здесь, стулья и несколько мягких диванчиков, а также приставной столик, на котором стояла микроволновка, электрочайник, плюс набор чашек. В комнате пахло женскими духами, дошираком и еще какой-то ерундой. На подоконнике пылилась искусственная орхидея в горшке, обмотанном выцветшей розовой лентой. Рядом лежала стопка женских журналов — я машинально глянул на даты: самый свежий был двухлетней давности. На стене висел плакат с правилами мытья рук, один угол которого отклеился и загнулся. Стандартный набор провинциальной больницы, впрочем, видал я и похуже. Зато здесь было относительно чисто, и даже линолеум, хоть и потертый, без характерных черных следов от каталок.

— Вы пока здесь присаживайтесь, — приветливо сказала девушка. — Меня зовут Светлана. Чаю вам сделать?

— Нет, нет, — покачал головой я и улыбнулся в ответ. — Я завтракал. Спасибо вам, Светлана.

— Ну, как знаете. Я вам тогда дверь оставлю открытой, а вы посматривайте — кабинет ее вон там, напротив. Да вы услышите, когда придет.

Светлана заторопилась.

— Ой, мне же в регистратуру! — И убежала, оставив меня в одиночестве.

Я огляделся повнимательнее. Холодильник гудел с каким-то надрывом, словно на последнем издыхании. На доске объявлений висел график дежурств, испещренный исправлениями от руки, и пожелтевшая поздравительная открытка с Восьмым марта позапрошлого года. Обычная картина для районки. Судя по количеству чашек на столике, персонала здесь было человек десять–двенадцать, не больше.

Чтобы не терять время, я вытащил телефон и написал Караяннису:

«Здравствуйте. Артур Давидович! Еще раз благодарю за помощь. Хочу просить вашей помощи еще в одном деле. Это касается моего наставника — С. Н. Епиходова. Давайте созвонимся? Когда вам удобнее?»

Ответ пришел через пару минут:

«Сергей Николаевич, рад вас слышать! Я сейчас на заседании суда. Давайте завтра вечером. Я сам наберу».

Поставив эмодзи рукопожатия, я удовлетворенно вздохнул — еще одна проблема начала решаться.

Пока сидел и ждал, в комнату заходили по разным «срочным» делам молодые медсестры и санитарки: одной нужно было взять чашку, вторая принесла полотенце, третья вошла, зачем-то протерла микроволновку сверху и ушла. При этом все они приветливо здоровались, исподтишка окидывали оценивающими взглядами, но никто не представился и заговорить не попытался.

Ну ладно, не все сразу. Познакомлюсь еще... Учитывая, как в последнее время на меня реагируют женщины, лучше держать дистанцию...

Стоило так подумать, явилась главврач.

Глава 3

Александра Ивановна оказалась фундаментальной женщиной, примерно два на два, но при этом мягкой и медлительной. Я услышал ее тяжелую поступь по коридору и выглянул из комнаты.

— Добрый день, — сказал я. — Александра Ивановна?

Она прищурилась, подслеповато рассматривая меня, затем просияла:

— Сергей Николаевич?

— Да.

— Проходите, минуточку.

Она открыла дверь ключом, вошла и сбросила с себя пальто. Я немного подождал в коридоре, пока она разделется и усядется за стол, потому что вдвоем мы бы там не поместились — кабинет был узким и неудобным.

— Проходите, — повторила она, надевая очки и включая компьютер.

Я вошел в кабинет, который был самым обычным, без каких-либо признаков того, что здесь обитает женщина-руководитель: ни семейных фотографий, ни магнитиков, ни милых дамскому сердцу фигурок, ни даже салфеточек. Только выцветший календарь за позапрошлый год и стопка папок, которые явно не открывали с прошлого века.

— Ну ладно, присаживайтесь, — сказала она, кивнув на стул, который стоял рядом со столом.

Я присел. Стул жалобно скрипнул.

Начальница смерила меня внимательным, испытующим взглядом и мягко сказала:

— Рассказывайте, Сергей Николаевич.

— Вот, пожалуйста. — Я достал из папки резюме, которое составил накануне, диплом Серёги, а также одну из бумажек, где было написано, что он проходил повышение квалификации.

— Хирург, — посмотрела она и задумчиво пожевала губами. Резюме особо рассматривать не стала, так, скользнула невнимательным взглядом.

— Нейрохирург, — поправился я.

— В дипломе-то написано «хирург». — Она поджала губы и посмотрела на меня странным, нечитаемым взглядом.

— Хорошо, — пожал плечами я, решив не спорить. — Я могу и то и другое.

— У нас нет ставки нейрохирурга, — пояснила она и торопливо добавила: — Впрочем, свободной ставки хирурга тоже нет.

— Но Леонид Ксенофонтович... — начал было я, но она меня перебила:

— Это который «большой человек в татарском минздраве»? — Она явно кого-то насмешливо процитировала. — Ну так я тебе так скажу, Сергей Николаевич. Леонид Ксенофонтович высоко сидит, далеко глядит, а под носом у себя ничего не замечает. Нет у нас ставок! Вообще!

— То есть как вообще нет? — удивился я, потому что ожидал чего угодно, но не этого.

Если честно, я почему-то думал, что стоит приехать узкому специалисту из столицы республики, пусть и соседней, и его сразу, буквально на руках внесут в больницу, а счастливые медсестры и санитарки будут аж чепчики подбрасывать от восторга. Но реальность оказалась совсем иной — мне тут были явно не рады. Даже невзирая на протекцию из министерства.

Видимо, мои мысли отразились на лице, потому что Александра Ивановна смягчилась.

— Ну, что-то мы вам наищем, не беспокойтесь, — сдержанно-неодобрительно проворчала она и укоризненно покачала головой. — Присылают, присылают, а проверить элементарное не хотят. Нам вот стоматолог нужен. Уже сколько я пороги обиваю, так они вместо этого гинеколога в прошлом году прислали... и вот зачем нам пять гинекологов на одни Морки? А в

позапрошлом — очередного терапевта! Зато ни стоматолога, ни эндокринолога дать не могут уже который год. Вот зачем нам хирург?

Она посмотрела на меня с таким негодующим выражением лица, что мне даже стало стыдно за то, что я нейрохирург, а не стоматолог.

— Так что будем делать? — спросил я, чтобы прекратить бесполезные причитания и перевести беседу в более плодотворное и конструктивное русло.

— Надо подумать, — сказала она и уставилась на меня.

— Тогда извините, что отнял ваше время, — сказал я, поднимаясь. — Меня уверили, что здесь есть ставка хирурга, поэтому я и приехал. Извините еще раз за беспокойство, всего доброго, Александра Ивановна.

— Погодите! — выпалила она слишком быстро, и глаза ее забежали, а на щеках появились красные пятна.

Ага. Вот это уже интереснее. Значит, ставка все-таки есть, просто ее хотели придержать для кого-то своего. Или выбить какие-то особые условия. Или еще что-то, чего я пока не понимаю. Но главное — меня отпустить не хотели. И это давало хоть какой-то рычаг.

— Ну что вы так торопитесь?! Сейчас мы вам что-нибудь придумаем. Не будем же мы бросать человека на улице. — Она опять неодобрительно поджала узкие губы. — Садитесь, Сергей Николаевич.

Я сел, а раз уж разговор становился все более интересным и неоднозначным, прибег к помощи эмпатического модуля:

Сканирование завершено.

Объект: Александра Ивановна, 55 лет.

Доминирующие состояния:

— Тревога ситуативная (67%).

— Раздражение защитное (54%).

— Расчет прагматический (71%).

Дополнительные маркеры:

— Частое отведение взгляда при упоминании ставок.

— Покраснение щек после предложения уйти (вегетативная реакция).

— Речь ускоряется при перечислении проблем больницы.

Ага. Значит, ставка все-таки есть. И проблема не в том, что меня некуда пристроить, а в том, что кадровый пасьянс сложился неудобно. Меня сюда прислали поверх чьих-то планов, и теперь Александра Ивановна пытается сохранить лицо.

Внимание! Стрессовая ситуация!

Зафиксировано умеренное повышение уровня кортизола.

Активация симпатической нервной системы в пределах адаптивной нормы.

Рекомендуется сохранять спокойный тон.

Не рекомендуется демонстрировать осведомленность о манипуляции.

Ух ты, а это что-то новенькое... Интересненько... Что ж, полезный совет, Система. Учту.

Тем временем Александра Ивановна, что-то пристально высматривая в компьютере (мне экран не было видно со своего места), пробормотала:

— Значит так. Смотрю, вы работали хирургом? А где? В поликлинике?

— Нет, я оперирующий хирург.

— Вот как, — заинтересовалась она.

Немного подумала, нажала на коммутатор и сказала отрывистым тоном:

— Лида, зайди-ка ко мне. И побыстрее!

Примерно через полминуты в дверь заглянула Лида — тоже полная женщина, с красивым пухлым лицом, хоть и немного рыхловатым, и добрыми, невероятно голубыми глазами.

— Александра Ивановна?

— Что там у нас по хирургии? Казанцев еще с больничного не вышел?

— Нет конечно. Наташа говорила, что он будет проходить реабилитацию, а потом они в санаторий хотели, — сказала она и, завистливо вздохнув, добавила: — В Кисловодск.

— Ну вот! Значит, тогда мы оформляем Сергея Николаевича Епиходова на замену Казанцеву, — повернулась она ко мне. — Казанцев у нас хирург, который оперирует, но он сломал ногу, причем и шейку головки бедра заодно, в общем, там сложные переломы. Ему делали операцию даже в Москве, и у него сейчас будет долгая реабилитация. Пока на его место можно вас взять. Будете помогать доктору Ачикову оперировать.

— Так что, оформлять? — переспросила Лида, переступая с ноги на ногу.

— Да, иди оформляй. К тебе Епиходов минут через десять подойдет.

Она посмотрела меня, а Лида ушла.

— Значит, я буду оперирующим хирургом на замене, — проговорил я. — Ну, это же временный вариант. Сколько бы этот Казанцев ни пробыл на больничном, рано или поздно он все равно выйдет. Пусть через месяц, пусть даже через два, а дальше что?

— А дальше посмотрим. Все равно вам нужно пройти испытательный срок, — сказала Александра Ивановна и отвела взгляд. — Более того, это же только ноль семьдесят пять ставки. То есть вы будете зарабатывать около пятидесяти трех тысяч. Понятно, что этих денег мало, поэтому мы вам можем предложить еще дополнительный вариант. Два дня в неделю вы можете ездить в деревню Чукша. Там есть амбулатория.

— Чукша? — удивился я и еле сдержался, чтобы не хохотнуть.

— Да, есть у нас такая деревенька. Это недалеко, километров семь от Морков. Там живет совсем мало народа, так что работы много не будет. Но тут такая ситуация... дело в том, что там проживает несколько ветеранов Великой Отечественной войны, они долгожители. А также герои военных действий. И поэтому в Йошкар-Оле было принято решение сделать отдельную амбулаторию для них. Показательную. Ну и сделали. А вот врача нету. Никто туда ехать не хочет, так как только четверть ставки. И добираться самому надо. В общем, сейчас там есть только один фельдшер и все. Поэтому мы бы усилили эту амбулаторию, нам для отчетности это прям нужно. Но только еще раз подчеркиваю, добираться вам придется самому, своим ходом.

— Ну, хорошо, — пожал плечами я.

Передо мной остро встал вопрос покупки машины. Деньги тратить не хотелось, но подержанное авто хорошо бы прикупить. В крайнем случае можно было взять скутер. Хотя я отдавал себе отчет в том, что под дождем по местным дорогам на скутере добираться в Чукшу будет не особо комфортно. А уж в метель...

— И за это неплохая доплата, почти семнадцать тысяч, и нормальный социальный пакет, — торопливо добавила Александра Ивановна, при этом в глаза мне так и не смотрела.

Я согласился, потому что выбирать не приходилось. По работе Казанцева была урезанная ставка, а мне все-таки в аспирантуру требовалась бумажка о полном рабочем дне. Так что пусть хоть так пока будет.

— Таким образом у вас получилась полная ставка, — просияла Александра Ивановна и облегченно выдохнула. — Вот видите, как все хорошо вышло? А потом вы будете получать еще больше.

— Сколько? Тысяч сто будет?

Александра Ивановна отвела взгляд и покраснела. Значит, меньше.

Я внутренне усмехнулся. Этих денег в прошлой жизни мне хватило бы, чтобы два-три раза сводить семью в ресторан, да и то не на полную катушку. Но выбирать не приходилось.

Поблагодарив главврача, я вышел в коридор и пошел искать Лиду.

Она ожидала меня у себя в кабинете. Кабинет был совсем крохотный, но уютный — на подоконнике стояла герань в горшке, на стене висел православный календарь с цветочками, а рядом с компьютером примостилась фотография в рамке: Лида лет на десять моложе, рядом

мужчина и двое детей-подростков. Нормальная семейная жизнь, которой у меня в этом теле не было и не предвиделось.

Она была старшей медсестрой, но по существу исполняла роль исполнительного директора по всем вопросам. В маленьких районных больницах так часто бывает: главврач решает стратегические вопросы и занимается бюрократией, а старшая медсестра крутит все хозяйство.

Мне она сразу понравилась — мягкая, пышная, но эта полнота ее необычайно красила, эдакая уютная, женская, все округлости на месте, а главное — хорошее настроение и добрая располагающая улыбка с ямочками на щечках.

— Мы вас сейчас быстро оформим, — улыбнулась она мне. — Вы только тут и тут подпиши поставьте. Я вам покажу, куда завтра приходиться. А послезавтра вы уже сами в Чукшу поедете. График мы вам пока сделаем три на два. Три дня здесь и два там.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Сейчас все по делам разбежались, — продолжила она, — но вот завтра приходите к восьми тридцати, и мы вас на планерке со всеми сразу же и познакомим.

— Договорились, — кивнул я и улыбнулся в ответ.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел мужчина. Доктор, судя по белому халату и шапочке.

Невысокий, коренастый, с широким простоватым лицом и окладистой бородкой. Он посмотрел на меня голубыми глазами, и в его взгляде мелькнуло что-то такое, чего я не понял. То ли настороженность, то ли оценка, то ли что-то еще, тут же исчезнувшее за маской радушия.

— Здравствуйте! — сказал он, и на лице его расплылась широкая улыбка. — Так это вы тот самый хирург из Казани?

— Епиходов Сергей Николаевич, — представился я и встал.

— А я — Ачиков. Тоже Сергей, но только Кузьмич, — добродушно хохотнул он и добавил: — И тоже хирург. Представляете? Получается: если ты Сергей — значит, хирург. Ха-ха-ха!

Я не представлял. Для меня статистическая выборка в два человека из нескольких миллионов мужчин, которые носят имя Сергей, являлась категорически недостоверной. Да даже в Морках сколько Сергеев живет. Наверное, под сотню, не меньше. И что, они все хирурги? Но сбивать оптимизм собеседника на первой минуте знакомства было как-то не комильфо. Тем более это коллега. Хочет он так думать — пусть думает.

— Да, удивительно получается, — улыбнулся я в ответ и крепко пожал протянутую мне руку.

Ответное пожатие Ачикова оказалось вяловатым, а ладонь была слегка влажной. Странно для хирурга. У нас обычно руки крепкие — профессия такая. Или это намеренно? Мол, я тут главный, а ты пока никто? Или просто характер такой, мягкотелый? Ладно, разберемся.

— Так вы у нас теперь работать будете? — подмигнув, задал он мне риторический вопрос. — Хирургом?

— Сейчас я буду заменять врача на больничном и ездить в деревню, — осторожно сказал я, не вдаваясь в подробности.

— А-а-а! Казанцев у нас решил поболеть на полную катушку! — хмыкнул он и подмигнул Лиде.

Они переглянулись, что не укрылось от моего взгляда. Переглянулись как-то... понимающе. Будто знали что-то, чего я не знаю. Или будто обсуждали Казанцева до моего прихода. Интересно.

— В Кисловодск собирается, — моментально наябедничала Лида. — Мне Наташа по секрету говорила!

— Вот пройдоха! — опять хохотнул Ачиков. — Но ничего, Сергей Николаевич, мы с вами будем вместе работать. Говорят, вы оперирующий хирург?

— Хирург. Оперирующий. И нейрохирург тоже, — кивнул я.

И снова что-то дернулось в его лице при слове «нейрохирург». Мелькнуло и пропало. Удивление? Недовольство? Опаска? Я не успел разобрать. Но точно что-то было. В маленьких больницах приезд узкого специалиста — это всегда потенциальная угроза местному царьку. Или приме. В общем, будем разбираться по ходу пьесы, а пока... что скажет Система?

Сканирование завершено.

Объект: Ачиков Сергей Кузьмич, 45 лет.

Доминирующие состояния:

— *Настороженность замаскированная (74%).*

— *Оценка конкурентная (68%).*

— *Контроль социальный (61%).*

Дополнительные маркеры:

— *Улыбка не достигает глаз.*

— *Влажные ладони при нормальной температуре помещения.*

— *Микронапряжение лицевых мышц при слове «нейрохирург».*

Вот и вялое рукопожатие объяснилось. Влажная ладонь, слабый захват — не мягкотелость, а волнение, которое тело выдает помимо воли хозяина. Ачиков нервничает. Интересно, в связи с чем...

И тут Система снова выдала подсказку:

Внимание! Социальная угроза!

Зафиксировано повышение бдительности.

Активация режима анализа невербальных сигналов.

Рекомендуется избегать демонстрации превосходства.

Не рекомендуется открытая конфронтация на этапе адаптации.

Ничего себе... А новая способность в рамках старого модуля мне определенно нравится! Спасибо, Система.

В этот момент завибрировал телефон — пришло сообщение. Надеюсь, что это Караяннис, я взглянул на экран, но нет. Сообщение было от Алисы Олеговны.

Она писала: «Серезжа, куда ты опять пропал? И куда хочешь вложить этот 1%? Решай быстрее, у нас до НГ надо сделать отчет и планирование. Срок тебе до конца ноября. Позвони мне».

Сделав себе зарубку, чтобы не забыть, я вернулся к разговору.

— Извините, — сказал я, пряча телефон в карман. — О чем мы говорили?

— О том, что вы хирург! Нейрохирург! Замечательно! Это же просто фантастика! Фантастическая фантастика! — воодушевленно расцвел Ачиков. — А вы знаете, у нас тут как раз есть один пациент. Сложный случай, я вам скажу. Сложнейший! И хорошо, что вы к нам приехали, Сергей Николаевич. Давайте устроим с вами консилиум?

— Ну что ж, я готов, — сказал я, опять поднимаясь со стула.

— Нет! Нет! Что вы! Что вы! — добродушно засмеялся Ачиков и даже замахал пухлыми ручками. — Уже скоро обед, а потом пациенты. Какой консилиум? Вот завтра утром на работу придете, и мы с вами все хорошенько посмотрим. Вместе! Мы же коллеги! А сейчас отдыхайте, Сергей Николаевич. Устраивайтесь. Вас же с завтрашнего дня оформили? Правильно?

Я кивнул, удивившись. Интересно, откуда он все это знает? Хотя в деревне, видимо, все друг про друга все знают. Невольно я вспомнил колоритного рыжего дедка у дома Смирновых, который тоже знал, кто перед ним, еще до того как я представился.

Перекинувшись с коллегой еще парочкой ничего не значащих фраз, я прошел с Лидой по коридору больницы.

— Вот, Сергей Николаевич, — сказала она, остановившись возле двери, на которой висела табличка «25». — Приходите сюда прямо завтра с утра. Не опаздывайте. Здесь у нас будет планерка.

— Хорошо, — сказал я. — Что-то нужно донести? Какие-то документы?

— Нет, ничего не надо, — отмахнулась она. — Я листы ваши до завтра заполню, и вы там еще потом в двух местах распишетесь. А сейчас можете идти домой.

На этом мы распрощались.

У меня создалось впечатление, что после посещения Ачикова она поспешила от меня отделаться. Разговор как-то скомкался, и ее улыбка стала чуть натянутой. Может, я придумываю. А может, и нет.

Из больницы я вышел в изрядном недоумении. По моим ощущениям, Лида была женщиной как бы с двойным дном, Александра Ивановна тоже при всей ее доброте и дружелюбии как-то мне немного не приглянулась. И Ачиков этот со своей показной радостью... Или это я не выспался сегодня, устал и поэтому так скептически отношусь к людям?

На улице было хоть и прохладно, но хорошо, солнечно.

Я пошел домой, неторопливо разглядывая поселок. После Казани, а тем более после моей московской жизни, Морки казались какой-то театральной декорацией. Деревянные заборы, облупившаяся краска на фасадах, бабушка на лавочке у калитки, провожающая меня внимательным взглядом. Куры за чьим-то забором. Пес на цепи, лениво гавкнувший мне вслед.

Странное ощущение. Будто время здесь остановилось лет тридцать назад и с тех пор не двигалось. И при этом жизнь шла своим чередом: люди рождались, умирали, болели, лечились в той самой больнице, куда меня занесла судьба.

Пожав плечами, я решил, раз такое дело, идти домой. Требовалось срочно привести жилище в порядок, позаботиться о том, что буду есть на ужин и завтрак, и вспомнить о своем зоопарке. Насчет ужина я особо не беспокоился — спасибо Танюхе за бутерброды, но все равно чего-то горячего приготовить хотелось. Желудок потом скажет спасибо.

Завтра первый рабочий день. Посмотрим, что за сложный случай приготовил мне коллега Ачиков.

Глава 4

По дороге я решил зайти в магазин и купить кое-каких продуктов, потому что с собой тащить из Казани это было бы смешно. Дорогу я помнил хорошо, поэтому без всякого сомнения повернул налево и отправился домой. Примерно через несколько дворов обнаружился небольшой продуктовый магазинчик, который назывался «У Катюши». Самый обычный одноэтажный дом, состоящий из одной длинной комнаты.

За прилавком стояла женщина лет сорока в самосвязанной сиреновой кофте и берете. Она орудовала крючком, согнувшись над носком, и ловкие пальцы мелькали так, что движений было не разобрать. При виде меня продавщица живенько пихнула рукоделье под прилавок и растянула губы в подобии улыбки.

Я сфокусировал взгляд, и Система мгновенно откликнулась активацией эмпатического модуля:

Сканирование завершено.

Объект: женщина, 40 лет.

Доминирующие состояния:

— *Настороженность привычная (64%).*

— *Скука фоновая (58%).*

— *Любознательство осторожное (47%).*

Дополнительные маркеры:

— *Оценивающий взгляд (классификация «свой-чужой»).*

— *Профессиональная улыбка без искренности.*

— *Готовность к торговле.*

Понятно. Новый покупатель в маленьком поселке, где все друг друга знают, и отношение к нему соответственное.

— Здравствуйте, чем могу помочь? — заученно спросила она.

Но прозвучало это так, словно она сроду не произносила таких слов, буквально переломала себя. Куда естественнее для нее, наверное, было бы простое «Здрасьте!».

— Здравствуйте, — ответил я. — Хочу прикупить продуктов. У вас карточкой платить можно?

— Да, конечно, — кивнула она и добавила заговорщицким голосом: — Кстати, нам утром свежее пиво завезли. Разливное. Светлое.

— Нет, спасибо, я не пью. Только продуктов немного возьму. И шиповник, если есть.

— А зачем вам шиповник, если есть такое хорошее пиво? — удивилась она. — Вот все равно зря отказываетесь.

— Понимаете, отвар шиповника — хороший витаминный напиток. Он поддерживает обмен веществ, помогает при усталости и авитаминозе.

Танюха как-то научила меня, что говорить нужно понятнее, если хочешь, чтобы к тебе прислушались. Поэтому я добавил:

— Полстакана отвара шиповника утром и вечером — прекрасное средство для детоксикации и восстановления. Для организма то что надо.

Продавщица посмотрела на меня с изрядным изумлением и мысленно наверняка покрутила пальцем у виска.

Я оглядел скудный ассортимент. Взгляд скользнул мимо разных дошираков, бутылок с пивом и дешевым вином, майонеза и прочей ерунды. Но из натуральных продуктов я обнаружил только кое-какие овощи. Взял сельдерей, помидоры, огурцы, пару килограммов картошки, чем снова вызвал недоумение продавщицы. Добавил пачку сливочного масла, две банки рыбных консервов и плавленый сыр.

— С вас тысячу сто, — сказала она. — Одного не пойму. Сельдерей-то вам зачем? Он же невкусный!

— Почему же, самое-то похрустеть, а если макнуть в сметану — вообще красота. К тому же сельдерей — низкокалорийный источник воды, калия, витаминов К и С, а также флавоноидов. Он умеренно снижает артериальное давление, обладает слабым диуретическим эффектом, а еще поддерживает пищеварение за счет клетчатки. Эдакая хорошая «щетка» для кишечника.

Продавщица выпучила глаза и при этом продолжала изумленно рассматривать меня, словно дикую зверушку. Мол, в первый раз такой мужик приходит, что не хочет свежего разливного пива, зато берет сельдерей и шиповник. Еще и грузит ее ерундой какой-то.

— Вы в Морки в гости приехали? — не выдержала она наконец. — Что-то я вас раньше здесь не видела.

— Нет, — покачал головой я. — Буду здесь жить и работать, так что стану к вам заходить часто. Может, даже каждый день. Мне по пути.

— Меня зовут Валентина, — сказала она и улыбнулась. На этот раз почти искренне.

— Сергей Николаевич, — представился я.

Когда я назвал свое отчество, взгляд женщины стал тяжелее и скептичнее. Понятно: молодой мужик, а требует называть себя по отчеству.

— Я врачом у вас работаю. В больнице.

При слове «врач» взгляд Валентины моментально потеплел и смягчился.

— Хорошо, Сергей Николаевич, заходите хоть каждый день. А вы где живете?

— Адрес из головы вылетел, не запомнил еще толком. В каком-то доме с синим забором, до него идти от вашего магазина примерно еще два квартала. Там напротив и чуть по диагонали Смирновы живут, — вспомнил «особые приметы» я.

— Это вы у Толяна живете, что ли? — сразу сообразила Валентина.

— Да, точно. Хозяин — Анатолий.

— Ну, остальные соседи у вас хорошие. Но только смотрите, эти Смирновы могут что-нибудь и стащить. Или денег на опохмел выпрашивать. Так вы им не давайте. Один раз дадите — потом не отцепитесь. И сами будут таскаться, и дружки ихние. Если что, наш участковый, Кирюха, на соседней улице живет. Спросите — вам подскажут.

— Ого. Это у вас здесь такие беспардонные люди? — неприятно удивился я.

— Да нет, люди у нас хорошие, душевные. Это Смирновы только такие. Но они не моркинские. Они к нам из Чукши перебрались. Давно, года два назад, а то и два с половиной.

— А что собой представляет эта Чукша? — осторожно спросил я.

— Да есть тут деревенька рядом. Ох, и место, я вам скажу...

Она покачала головой и даже зажмурилась от переизбытка эмоций. А потом вдруг встрепенулась:

— Так раз вы врач, может, подскажете?

— Что случилось?

— Да понимаете, утром встаю — голова кружится, темнеет в глазах. На работу прихожу — первый час как сонная муха. Руки-ноги холодные, будто в погребе ночевала. Мне еще сорока нет, а уже как старуха какая-то...

Я внимательнее присмотрелся к ней: бледноватая кожа, синеватые круги под глазами, худощавая конституция...

— Давно это у вас?

— Да сколько себя помню. Но раньше как-то терпимее было, а последний год совсем тяжело. Особенно по утрам. Иногда так голова закружится, что за прилавок хватаюсь, чтобы не упасть.

— Обмороки бывали?

— Было пару раз. Зимой, в духоте, когда покупателей много набилось.

— Тошнота?

— Бывает. И в автобусе укачивает сильно.

Да, все сходится, классическая картина хронической гипотонии, это понятно и без системного модуля.

— Валентина, то, что вы описываете, похоже на пониженное давление. Артериальную гипотонию. Это не болезнь в строгом смысле, но состояние неприятное. И поддается коррекции.

Она слушала внимательно, даже подалась вперед.

— Первое и главное — не вскакивайте резко с кровати. Проснулись — полежите пару минут. Можно слегка потянуться, лежа. Потом посидите еще минуту–две. И только потом вставайте, но не резко. Это снизит утреннее головокружение. Еще один прием: приподнимите изголовье кровати сантиметров на десять–пятнадцать. Можно просто подложить что-нибудь под ножки. Это уменьшает перераспределение крови ночью, утром встать будет легче.

— А я как раз всегда подскакиваю, — призналась она. — Будильник зазвонит — и бегом.

— Вот это самая частая ошибка. Дальше — пейте достаточно воды. Не чая, не кофе, а именно чистой воды. Литр–полтора в день. Обезвоживание усугубляет гипотонию. И не бойтесь соли. Если нет проблем с почками или сердцем, умеренное количество соли гипотоникам даже полезно. Она помогает удерживать воду в сосудах и стабилизировать давление.

— Надо же, а я как раз соль ограничиваю! — удивилась Валентина. — Все говорят, соль вредная, от нее отеки.

— Сама по себе соль жизненно необходима всем! Пять–шесть граммов соли в день — это чайная ложка. Но тут главное смотреть, нет ли добавленной соли в других продуктах, помимо той, что в солонке. В кетчупе, в булочке, в тесте. При превышении нормы страдают гипертоники. А вот вам небольшое превышение вреда не нанесет. В разумных пределах, конечно.

— А кофе? Мне говорили, кофе помогает.

— Помогает, да, но все же кофе дает временный эффект. На час–два давление поднимется, потом снова упадет. Лучше работает регулярная физическая нагрузка. Не марафоны бегать, а обычная ходьба, плавание, утренняя гимнастика. Особенно полезны упражнения для ног — приседания, подъемы на носочки. Они улучшают отток крови от ног к сердцу.

Валентина кивала, запоминая.

— Еще важно: не стойте подолгу на одном месте, — продолжил я. — Если приходится стоять за прилавком, переминайтесь с ноги на ногу, поднимайтесь на носочки, напрягайте и расслабляйте мышцы ног. Это не даст крови застаиваться внизу. Кстати, если обмороки случаются часто, можно носить компрессионные гольфы или чулки. Они продаются в аптеках, первый–второй класс компрессии. Снижают застой крови в ногах и риск упасть в обморок.

— Вот это я делаю, — обрадовалась она. — Переминаюсь то есть. Сама как-то припрорывилась.

— Правильно. И еще — избегайте перегрева. Баня, горячая ванна, душное помещение для гипотоников опасны. Сосуды расширяются, давление падает еще ниже, отсюда обмороки.

— Точно! — воскликнула Валентина. — В бане-то я и падала!

— Если хотите в баню, то ненадолго, с перерывами, и обязательно пейте воду. А контрастный душ по утрам может помочь тонизировать сосуды, только заканчивайте прохладной водой. Или хотя бы обливайте холодной водой стопы и икры — рефлекторно повышает тонус сосудов.

— Это все?

— Почти. Еще одна важная вещь — дробное питание. Не наедайтесь до отвала за один раз. После обильной еды кровь приливает к желудку, и давление может упасть. Лучше есть чаще, но меньшими порциями. Из народных средств неплохо работают адаптогены: настойка

элеутерококка, родиолы розовой, женьшеня. Эффект индивидуальный, нужно смотреть, как организм отреагирует, но многим помогает. Продаются в аптеке без рецепта.

— А таблетки какие-нибудь? — с надеждой спросила Валентина.

— Есть препараты, которые повышают давление, но их назначают только при тяжелых формах и только врач. У вас случай не такой запущенный. Начните с того, что я сказал. Через пару недель сами почувствуете разницу. Если не поможет — тогда уже к терапевту на обследование. Нужно будет исключить анемию, проблемы со щитовидкой, сердечные нарушения.

— Спасибо, Сергей Николаевич! — Валентина просияла. — Вот что значит специалист! А то наш фельдшер только и говорит: «Пей кофе да терпи».

Мы перекинулись еще парой фраз. Я забрал покупки и вышел, пребывая в задумчивости. Слова Валентины не выходили из головы. Вон, даже алкаши Смирновы оттуда сбежали. Неужели я зря согласился на эту Чушку? Тьфу, Чукшу.

А на дороге уже дожидался давешний колоритный дедок. При виде меня он быстренько затушил сигарету о чью-то ограду и скептически прищурился:

— Ну что, Сергей Николаевич, как первый день на работе? Что-то быстро ты справился.

— Я только оформился, получил инструктаж и вот сейчас иду домой, — пояснил я. — Рабочее время еще не окончено, но работаю я с завтрашнего дня.

— Понятно. Смотрю, уже и продуктов подкупил? — многозначительно подмигнул он и кивнул на пакет.

— Ну да, есть же что-то надо.

— И кем же работать в больнице будешь? — прищурился дедок и недоверчиво покачал головой. — Неужто хирургом взяли?

Мне совершенно не улыбался допрос, который он мне учинил, но ссориться на пустом месте было неудобно. Да и скрывать нечего — все равно рано или поздно все узнают.

— Сейчас буду заменять Казанцева, пока он на больничном, а потом стану работать здесь на четверть ставки. Остальное — ездить в Чушки. Точнее, в Чукшу. Тьфу, название такое... путаюсь! Как с Морками вашими, так и тянет название перевернуть, то ли Морок, то ли Мороки.

— Ха-ха-ха! — засмеялся дедок. — Так я и знал! Скажешь тоже, Морок! Морков правильно говорить! И насчет Казанцева тоже знал! А я еще удивился, когда ты сказал, что хирургом у нас будешь. Какой же ты хирург?

— Почему это?

— Да все просто. — Он понизил голос и, хоть на улице, кроме нас двоих, никого не было, воровато оглянулся. — Ставка хирурга-то есть в больнице.

— Как есть? — удивился я, подумав: откуда он знает?

— Есть, есть. И не только хирурга. Просто, понимаешь, тут такое дело: врачи же у нас получают мало, и эту ставку они раздербанили между собой. «Хирурга» делят Александра Ивановна и Ачиков. Ты хоть знаешь, кто такой Ачиков?

Я не знал. Глаза дедка полыхнули триумфом.

— Ачиков — это же ее родной племянник. Он сам-то терапевт, троечником тут у нас в школе был, но как-то доучился и повышение квалификации прошел, теперь занимается здесь хирургией. Даже какие-то операции делает.

— Терапевт? Операции? По хирургии? — удивился я.

— Да какие там операции! — ехидно усмехнулся всезнающий дедок. — Если уж сильно все плохо, то домой отпускают помирать, а так-то в Йошкар-Олу отправляют, если серьезное что. А он всего-то гнойничок на пальце почистить может. Или там мозоль срезать. Ерунду мелкую. Работа у него непыльная, а подарки ему за это все равно несут хорошие.

Дед сердито сплюнул.

— Так что ничего тебе тут не светит. Он тебя ни на шаг к хирургии не подпустит!

— Мне сказали, что я буду подменять, а потом они еще «найшут»... — поморщился я.

— Сколько тот Казанцев проболит? А насчет Чукши я тебе, браток, сочувствую. Сам увидишь, что это. Зря согласился...

Это был уже второй человек из двух первых встречных за сегодня, который горячо сочувствовал мне насчет загадочных Чушек. Стало интересно, что за поселение там такое, что все говорят о нем с таинственным выражением на лице. Ну да ладно, послезавтра сам посмотрю.

Я отделался от назойливого дедка под первым же предлогом и отправился домой.

Не успел войти, как меня встретили гневные крики.

— Чита-дрита! Идет бычок, качается, твою мать! Валера — суслик! Иди сюда, суслик! Когда-то я был настоящим генералом!

Валера сидел напротив клетки и злобно шипел. А когда Пивасик называл его сусликом, пытался лапой ударить между прутьями, чтобы зацепить обидчика. Пивасик, в свою очередь, норовил клюнуть Валеру в лапу.

Ни у того, ни у другого ничего не получалось: Валера слишком быстро двигался, Пивасик не успевал клюнуть, но мог сквернословно обругать.

— Привет, суслики, — засмеялся я. — Все скандалите? Сейчас кормить вас буду.

Но тут раздался звонок, и я ответил на вызов. На экране высветился номер Николая Семеновича, отца Сереги.

— Сынок, Сереженька, ну как ты там? — запричитал он в трубку. — Как доехал, как устроился?

На заднем фоне я услышал взволнованный голос Серегиной матери, подсказывающей, что спросить. Волнуются, переживают. А я закрутился, даже забыл им сообщить, что доехал.

— Все хорошо, — сказал я, чувствуя себя немного виноватым. — Устроился нормально, снял себе целый дом.

— Там хоть тепло? — перебил Серегин отец. — Если дорого, ты скажи, мы переведем денег.

— Не надо, у меня все есть. И да, тут тепло. Газовое отопление, да и печка есть, дрова во дворе.

— Ты же не умеешь топить.

— Почему не умею? Мы же в институте, когда учились, ездили на практику, я пробовал там топить. И в банях сколько раз. Не переживай, отец. Да и газ тут нормально идет, и хозяин заходит, так что все в порядке.

— А ты хорошо кушаешь, Сереженька? — не выдержала Вера Андреевна.

— Да, вот принес целую сумку продуктов. Из Казани еще бутерброды остались, так что еда есть, все нормально. А вы там как?

— У нас тоже все хорошо, лишь бы ты благополучно устроился. Ты давай каждый день нам звони, сынок, а то мы с матерью переживаем. Поехал в такую даль, один...

— Я же не в Антарктиду поехал, — рассмеялся я. — Там и то сейчас связь есть, люди нормально живут, общаются каждый день почти.

Мы еще немного поговорили, и я отключился.

Да, это я упустил. Отвык. Ведь когда Маруся в первый раз из дома уехала, я места себе не находил. Она не звонила, не писала — с ума сойти. Заглядывал в соцсети, смотрел, появлялась или нет, чтобы отследить, живая ли. А теперь сам таким же бездушным стал. Видимо, попадание в тело молодого человека изменило мое мышление. Я сделался более беззаботным и беспечным, чем был раньше.

Надо этот момент запомнить и контролировать. Беспечность не самое лучшее качество, а я все-таки по сознанию пожилой человек. Нужно держать себя в руках.

Сделав такое внутреннее напоминание, я принялся за кухню. Прежде чем что-то готовить, надо было привести все в порядок. Бардака особого не наблюдалось — видимо, Анато-

лий относился к рачительным хозяевам. Но поверхности стола, хоть и накрытого старенькой клеенкой, касались чужие руки, да и все остальное требовало определенной гигиены.

Я вытащил прикупленное в магазине средство для мытья посуды и белизну, смешал с водой в тазике и принялся натирать все доступные поверхности.

Через полчаса кухня благоухала хлоркой пополам с апельсиновым фрешем. Ужас ужасный. Чтобы выветрилось, я открыл форточку. Точнее, форточки: рамы были двойные, еще из советских времен, деревянные, разделенные окошечками на девять фрагментов. Каждая форточка размером чуть больше моей ладони. Я открыл и внутреннюю, и внешнюю, чтобы хоть как-то проветривалось. Сомневаюсь, что через такую щель будет нормально тянуть, но хоть что-то.

Валера сидел на стуле, брезгливо поджав лапы, и, набычившись, смотрел на меня. Пивасик свирепо молчал, но перья у него встопорщились.

Я принялся протирать пол, как вдруг Пивасик клювом отодвинул крючок на дверце клетки и вылетел наружу.

Сделав два круга по кухне, он сварливо крикнул «Суслик!» и резко вылетел через форточку во двор.

Глава 5

— Пивасик... — только и смог, что растерянно пролепетать я.

От неожиданности аж тряпка из рук выпала и плюхнулась на пол.

Я выскочил во двор, но попугая уже и след простыл. За мной выскочил Валера, который, судя по продувной морде, был несказанно рад этому обстоятельству.

Я еще немного постоял во дворе, покрутил головой, но попугай улетел с концами.

Жаль.

Что ж, все, что мог, я для него сделал. Будем надеяться, что он найдет себе нормальных хозяев и не замерзнет в такую погоду. В принципе, сейчас немного потеплело, но все равно для него это чересчур холодно.

Я вздохнул. Свободолюбивый и склочный попугай все-таки чем-то запал мне в душу. Хоть птица и вредная, скандальная, но что-то в нем было такое, что располагало.

— Валера, пошли домой, — печально проворчал я.

Но кот дернул ушами и, гордо задрав хвост, продефилировал в сторону сарая, где находились дрова. Ну что ж, ему, наверное, тоже надо проветриться. Я вернулся в дом в одиночестве. Относительно того, как Валера попадет обратно, я не переживал. Во входной двери было вырезано небольшое окошечко, очевидно, как раз для кота. Поэтому Валера, если захочет, зайдет, а уже в сенях начнет мяукать, и я его услышу и впущу.

Я почистил картошку, ненадолго замочил ее в холодной воде, чтобы убрать избыток крахмала, и поставил вариться. Сам крахмал там разный: амилоза и амилопектин. Амилоза усваивается медленнее, амилопектин — быстрее, и соотношение между ними влияет на то, как резко поднимается сахар в крови. При обычной варке и умеренных порциях такая еда переваривается спокойнее и не перегружает обмен веществ.

У меня сегодня был рыбный суп из консервов: немного картошки, горсть рисовой крупы, килька в томате. Быстро и вкусно. Туда даже не надо было добавлять ни морковки, ни зелени, но все равно я порезал петрушку. Поэтому суп обещал быть королевским.

Не успел я выключить газ и посмотреть в окно, где там Валера шляется, как раздалось дребезжание телефона. Я усмехнулся — прошел всего один день, как уехал, а мне уже все звонят наперебой. В Казани так не было.

Я принял вызов, хотя номер, по традиции, был неизвестным.

— Алле! Это Сергей Николаевич?

— Да, это я.

— Это Альфия Ильясовна вас беспокоит, — прошелестел голос матери Брыжжака. — Я жду вашего возвращения и все выполняю. Докладываю, никаких происшествий нет! Вазоны поливаю. В квартире убралась. И даже в подъезде святой водой все там побрызгала! Обильно!

— Так держать, Альфия Ильясовна, — похвалил я, — вы мне для этого звоните? Чтобы сказать?

— Нет, не только, — спохватилась старушка, — я вам другое хотела сказать, Сергей Николаевич! Я хочу вам сообщить, что эта ваша Татьяна сегодня уже не бегала в парк! Я все с балкона вижу. Она пропустила сегодня. Стоило вам только уехать — и сразу пропустила! Вот так!

— Спасибо, Альфия Ильясовна! — чуть не рассмеялся я, но поблагодарил от души.

Мы еще перекинулись парой слов, я спросил, помирился ли Брыжжак с ее старшим внуком — помирился, — и распрощались.

Итак, значит, Танюха втихушку филонит? Или это один раз только так получилось? Провела меня в дорогу и пошла домой досыпать?

Я потрогал кастрюлю — ух! — горячая. Ничего, пусть чуток настоится супчик, сейчас вот дождусь Валеру, и будем ужинать.

Я пошел в комнату и принялся там все мыть: не только ради чистоты, но и для дезинфекции.

Протер стол, кровать, дверцы и полочки в шкафу. Затем перешел к полу, аккуратно прошелся по плинтусам, порожку, а потом не выдержал, бросил тряпку и набрал Танюху.

Она ответила сразу, и голос был настороженный:

— Серега? Случилось чего?

— Да нет. Все нормально. Просто решил на минутку позвонить, узнать, как дела у вас.

Как ты, как Степан?

— Степка на тренировке, занимается, — отчиталась Танюха. — А ты там как устроился?

— Отлично. Снял себе целый дом.

— А зоопарк твой как?

— Да разбежался весь мой зоопарк, — пожаловался я. — Пивасик улетел в форточку. Я даже и не понял, как это получилось. А Валера пошел во двор и больше не вернулся.

— Вернутся! — засмеялась Танюха. — Как оголодают, так сразу и вернутся. А то я мужиков не знаю!

Мне хотелось ввернуть пару слов о ее пропавшем без вести муже, но я удержался. Вместо этого сказал другое, стараясь, чтобы голос не звучал обвиняюще.

— Ты сегодня не бегала. Что-то случилось, Татьяна? Приболела?

В трубке воцарилось молчание. Я сперва решил, что что-то со связью, но потом услышал сопение и понял, что Танюха не придумала просто, что мне ответить.

— Тань?

— Да это... — проворчала она скандальным тоном и моментально перешла в нападение: — Что я, одна бегать там буду? Как дурочка, да? Что про меня люди подумают?!

— Ничего они не подумают, — строго ответил я. — А вот о том, что ты пропустила пробежку, мне сразу позвонили и сообщили!

— Кто?! — ахнула от такого вероломного предательства Танюха и заверещала: — Кто звонил?!

— Да какая разница... — Я уже и сам был не рад, что проболтался. — Главное, что ты перестала бегать и похерила все тренировки.

— Это Драчиха! Стопудово! — не унималась Танюха. — И я знаю почему! Это она мстит мне! Мстит! У меня в прошлом году белье во дворе сохло, а она свое хотела повесить. Сказала, чтобы я двигалась и ей место уступила. А я и не стала! На принцип пошла! Я же первая место заняла! Чего это я должна ради нее двигаться?! И вот она затаила на меня злобу и теперь отомстить вот так решила!

— Танюх, погоди! — торопливо прервал я поток негодования соседки, пока она не выдала мне весь свой черный список путем перебора. — Это не Алла Викторовна. И неважно кто. Важно другое! Ну что же ты так, а? Только-только начала бегать — и уже бросаешь? Ты себя в зеркале видела? Неужто нравится?

— Не нравится, — буркнула она.

— Пойми, большинство людей живут по принципу «здесь и сейчас», а вкладываться в будущее не любят. Но ты же не такая? Ты же смогла в жизни сделать что-то серьезное: квартиру вон обустроила, сына вырастила, на работе пашешь. Значит, и продолжить тренировки тоже сможешь.

— Серега, понимаешь... — замялась Танюха. — Первый запал-то прошел. Как это правильно сказать... э-э-э... мотивация кончилась, сил нет, одна морочка от этого. Я в последнее время просто за компанию с тобой бегала в этот гребаный парк! Чтобы ты там один не пыхтел, не страдал, чтобы веселее тебе там было.

— Это нормально! Первый эмоциональный порыв в любом случае быстро закончится, на него и не рассчитывай. Удержать может только интерес. Относись к спорту как к хобби — отмечай прогресс, понимай, куда дальше двигаться. А теперь слушай эффективные приемы. Даю рецепт, как не бросать бегать дальше...

Я сделал паузу, собираясь. Танюха на том конце не выдержала и хмыкнула:

— Да говори уже, не тяни!

— Первое. Вспомни все свои крупные достижения. Посвяти этому, если надо, хоть весь вечер, сядь, подумай. Вспомни долгосрочные проекты, которые удалось завершить: то же твое обучение в техникуме, ремонт в квартире. Лучше выпиши все это на бумагу: благодаря каким твоим качествам это получилось? Что помогало? Если ты смогла один раз получить накопительный результат, сможешь повторить это и в тренировках. Думай неторопливо, вспоминай все подробности. Это понятно?

— Понятно...

— Дальше. Начинай с очень легкого, доступного. Твои первые ожидаемые результаты — не килограммы на весах! И не округлость жопы и талии. Отложи их. Сначала добейся просто регулярных занятий без пропусков, для «галочки». Освой пару самых простых упражнений, привыкни к атмосфере бега. Не усложняй тренировки, не приступай к тяжелым упражнениям, пока не выработала шаблон и не привыкла. Иначе мозг найдет предлог все бросить.

— А если совсем сил нету? Вот прямо валяюсь! С работы прихожу и падаю. И не высыпаюсь. — В голосе Татьяны послышались обреченные нотки.

— Вот тут есть одна житейская хитрость. Не гони себя на серьезную работу. Договорись с собой, что тренировка будет максимально легкой и приятной. Самое сложное — встать утром с кровати, переодеться и начать. Это выполни обязательно. Можешь даже галочками каждый день отмечать. А дальше делай все с комфортной нагрузкой, просто дойди пешком до парка и вернись обратно. Пусть не будет развивающего эффекта. Главное — отметить задание как выполненное. Это «отрачивает» внутреннюю дисциплину. И еще, Тань. Будь честна в понимании своих потребностей. Мы не всегда сами себя понимаем. Перебери в памяти моменты, когда тебе было очень хорошо или очень плохо. Что между ними общего? Что тебя заряжает, наполняет? Какой результат тебе на самом деле нужно получить от тренировок, чтобы увеличить уровень счастья?

— Ого! — хохотнула соседка. — У меня запросы типа нехилые!

— Вот и подумай. Может, красивое тело никак не связано с твоими главными желаниями? Или ты эту связь не прочувствовала? Не имеет смысла отдавать много сил, если твое счастье мало зависит от результата. Но если чувствуешь, что физическая привлекательность, здоровье открывают путь к чему-то важному — укрепляй эту связь в сознании. Ты думала, что станет тебе доступно, когда получишь желаемый результат? Позволь себе помечтать о будущем. Представь, что ты такая вся красивая, легкая, в купальнике рядом с мужчиной твоей мечты, и вы с ним где-нибудь на Мальдивах...

— Ну ты скажешь — на Мальдивах! — засмеялась Татьяна. — Тут хоть бы разочек в каку-нибудь Анапу съездить, и то за счастье.

— Пусть будет Анапа, — согласился я. — И представь, ты такая вся в купальнике и красивой шляпе, рядом с ним на фоне моря в Анапе. И эту фоточку ты выкладываешь в соцсетях.

— Круто! — засмеялась Танюха. — Подружки с ума сойдут от зависти.

— Ну вот, — улыбнулся я. — А теперь подумай, что тебе для этого нужно?

— Всего две вещи — красивую фигуру и мужчину с деньгами.

— Если будет красивая фигура, то и мужчина найдется, — намекнул я.

— Ох и Серега! — рассмеялась Танюха. — Ты и мертвого уговоришь. Завтра же с утра пойду бегать! А чтобы ты не думал, сейчас поприседаю и сделаю отжимания от дивана. Пойдет?

— Пойдет, — усмехнулся я и отключился.

Буквально через полминуты — не успел я даже домыть пол — в дверь постучали. С улицы послышался чей-то голос. Неужели Смирновы решили прийти просить денег? Я сразу вспомнил предостережение продавщицы. Сейчас буду думать, как их отвадить.

Вздыхнув, вытер руки о старое полотенце и пошел открывать дверь. Интересно, кто там?

Во дворе стояла женщина лет шестидесяти пяти — семидесяти, в старом пуховике и платке. Она улыбнулась и сказала:

— Здравствуй, сосед.

— Здравствуйте, — осторожно ответил я. — Вы ко мне?

— Ага. Вот, погляди. Это же твой котенок?

И она вытащила из-за пазухи мурлыкающего Валеру.

— Мой! — обрадовался я. — Это Валера. Где он был?

— Да залез ко мне прямо в дом, бегал по комнатам и кричал. Видимо, перепутал. А я тут всех котов знаю, сколько лет живу. Сразу поняла, что Анатолий тебе сдал этот дом и кот твой.

— Спасибо. — Я забрал скандального Валеру. — Проходите, пожалуйста.

— Да нет, я на минуточку. Мне скоро сериал смотреть, турецкий. Восемьсот тридцать шестая серия! И ни одну не пропустила! — хвастливо сказала она. — Меня зовут Людмила Степановна.

— А я Сергей.

— Знаю-знаю, Сергей Николаевич, что ты врач, — с гордостью сказала она и вдруг ожилилась: — Слушай, а скажи, что это, если башка все время болит? Сначала подташнивает, я уже привыкла: как затошнит — жди беды. Сутками раскалывается! Что мне принимать? Наши врачи, дурачье прости господи, понапрописали черте что и сбоку бантик!

Я выскочил в чем был — в футболке и домашних штанах — и уже изрядно замерз. Ей-то в пуховике хорошо, а меня аж колбасило.

— А давайте пройдем ко мне, я вас чаем напою? Полезным. И суп я сварил, рыбный.

— О-о, сам супы варишь? — расплылась в улыбке Людмила Степановна. — А мой Иго-решка... сынуля... Попробуй его заставь! Он даже подогреть себе ничего не хочет, такая жопа ленивая.

Пока она устраивалась на табуретке в кухне, я поставил чайник и незаметно сфокусировался на ней, будто услышав меня, активировался диагностический модуль:

Диагностика завершена.

Объект: Людмила Степановна, 68 лет.

Основные показатели: температура 36,6 °С, ЧСС 74, АД 138/86, ЧДД 16.

Обнаружены аномалии:

— *Мигрень с аурой (хроническое течение, давность более 30 лет).*

— *Остеохондроз шейного отдела позвоночника.*

— *Артроз коленных суставов (начальная стадия).*

Давление для ее возраста было нормальным. Серьезную патологию, скорее всего, уже исключали — при таких симптомах это делают в первую очередь, да и Система бы это указала. Значит, классическая мигрень с аурой: с предвестниками, волнообразным течением и привычным сценарием.

— Людмила Степановна, вы сказали, что сначала тошнит. А перед этим что-нибудь бывает? Может, мушки перед глазами или запахи странные, или половина поля зрения пропадает?

— Ой, точно! — Она аж подскочила. — Сначала в глазах рябит, зигзаги какие-то мельтешат. Минут двадцать. А потом как вдарит!

— Это называется аура. У вас классическая мигрень с аурой. Она не опасна для жизни, но штука неприятная.

— И чего делать?

— Первое и главное — когда начинается аура, сразу примите обезболивающее. «Ибупрофен» или «Напроксен», если желудок позволяет. Не ждите, пока разболится по-настоящему. И сразу в темную комнату, чтобы свет не раздражал, ложитесь. Хорошо, если тишина. Холодное полотенце на лоб или шею.

— Сразу? А я тепло, все надеюсь, что само пройдет...

— Вот именно. Мигрень надо ловить в начале. Еще важно: ведите дневник. Записывайте, после чего начинается приступ. У мигрени есть триггеры — у кого-то это недосып, у кого-то кофе или красное вино, у кого-то резкие запахи или яркий свет. Найдете свои — сможете избегать.

— А таблетки какие пить постоянно?

— Если приступы частые, врач может назначить профилактику. Но начните с простого: режим сна, не пропускайте еду, пейте воду. Из добавок некоторым помогает магний, витамин B2, коэнзим Q10, но, опять же, некоторым.

— Да где ж я найду деньги на все это?

— Это не обязательно, Людмила Степановна. Но есть важный момент. Если мигрень у вас с молодости и приступы всегда одинаковые — это одно. Но если головная боль изменилась, стала сильнее или появилась впервые после пятидесяти, это повод для серьезного обследования. МРТ, сосуды, исключить все опасное.

— Да делала я МРТ, ничего не нашли.

— Вот и хорошо. Но запомните: если вдруг боль станет не такой, как обычно: самой сильной в жизни, с онемением половины тела или с нарушением речи — это не мигрень, это скорая. Не терпите, сразу вызывайте.

Людмила Степановна посерьезнела и кивнула.

— И еще: если приступы чаще двух–трех раз в месяц, есть смысл сходить к неврологу за профилактическим лечением. Сейчас есть современные препараты, которые снижают частоту приступов вдвое, а то и больше. Но это только врач назначает, самолечение тут не годится.

— Вот спасибо, Сергей Николаевич! Только это, видимо, не к нашим врачам. Это в город надо ехать. — Она допила чай и поднялась. — А ты на моей памяти первый врач, который по-человечески объяснил! Спасибо тебе, надеюсь, поможет. Внукам скажу, чтобы этот... как его... «Убипрофен» привезли.

— «Ибупрофен», — поправил я ее и проводил до двери. — Заходите, если что.

— Зайду, зайду! Эх, хорошо тебе, что ты врач. Все девки в Морках теперь замуж за тебя хотеть будут!

Вернувшись в комнату, я строго посмотрел на котенка.

— Ну что, — сказал я ему. — Валера, ты сейчас есть будешь, я надеюсь? Где это ты прошлялся целый вечер? Ну ничего, мы с тобой сейчас разберемся, суслик.

— Валера — суслик! — слышалось из кухни радостно-ехидное.

А Валера заворчал и начал выдираться у меня из рук.

— О-о, Пивасик вернулся! — расплылся в улыбке я.

Танюха была права: только зоопарк проголодался — как все вернулись обратно. Ну что ж, первый шаг сделан. Потихоньку начинаем привыкать к новой жизни.

Глава 6

Ранним утром меня разбудил оглушительный звонок телефона.

Ну кто это в такую рань? Я зыркнул на часы — 5:30 утра. Кому так не спится?!

Полыхая гневом на безобразника, что посмел разбудить меня, я, однако, потянулся за телефоном, и имя на экране мгновенно сдуло остатки сна.

Потому что звонил Караяннис.

— Доброе утро, Артур Давидович, — сказал я еще хриплым после сна голосом.

— Не разбудил? — ехидно хохотнул Караяннис.

Я решил на подколку не отвечать, раз так.

Караяннис, видимо, понял, что это не смешно, потому что моментально перешел на серьезный тон:

— Извини, Сергей, но позже никак не получится — у меня скоро самолет, я и так чуть на регистрацию не опоздал. Есть пара минут до посадки, а в салоне, сам понимаешь, о наших делах говорить не стоит. Так что излагай сейчас, а то я два дня буду без связи вообще. Я обещал позвонить вечером, но так вот сложилось, что надо срочно улетать.

Я все понимал, бывает.

— Так что ты хотел? — без прелюдий взял быка за рога Караяннис. — Зная тебя, дельце будет не хуже, чем это.

— Думаю, еще лучше, — буркнул я ворчливо и тоже решил ковать железо, пока горячо. — Вы же в курсе, что у покойного Сергея Николаевича Епиходова не было завещания?

— Только не говори, что его дражайшая супруга наложила на все загребущую лапку с острыми коготками, оставив епиходовских деточек без копейки... — подхватил Караяннис, верно уловив суть проблемы.

— Именно. В общем, я хочу попросить вас представлять интересы детей покойного академика Епиходова. Сергея Николаевича, моего... наставника.

— Детей? — моментально вычленил основное и сделал стойку Караяннис. — Не твои?

— Детей. Марии и Александра Епиходовых. Наследников первой очереди.

— О как! — ввернул известный мем Караяннис, и я невольно покосился на мирно дрыхнущего Пивасика. — Пока не буду спрашивать, зачем это тебе, но что с наследством-то конкретно? Проблемы?

— Завещания не было. По закону детям причитается доля наравне с вдовой, но та их даже на похороны не позвала. Провела кремацию за два дня, никого не уведомив, и улетела на Мальдивы.

— И мы с тобой, как Дон Кихот, должны причинить справедливость? — хохотнул, не удержавшись, Караяннис. — Будем вдвоем побеждать ветряные мельницы?

— Скорее, как Робин Гуд, — мягко, но укоризненно поправил я. — Забирать нажитые несправедным трудом деньги у богатых и передавать их бедным.

— Вернемся к академику. Говоришь, кремировали его? За два дня? Без детей? — В голосе Караянниса прорезался профессиональный интерес. — А дети заявление нотариусу подавали?

— Сын подал, — вспомнил я слова Маруси. — Ирина тут же прервала отдых и прилетела. Видимо, не ожидала.

— Прилетела и?..

— Наняла адвокатов. Хороших, судя по всему. Убеждает, что наследовать особо нечего. Мол, гол как сокол был Сергей Николаевич. Бессребреник прям.

— Но академик Епиходов вполне отдавал себе отчет, когда женился на Ирине, что оно именно так все и будет, — проворчал Караяннис и сварливо добавил: — Ты даже не представ-

ляешь, какой это геморрой! Проще всю твою Казань по кирпичикам раскатать, а потом обратно отстроить, чем у этой дамочки хоть одни бусики отобрать!

Я понимал. Как и то, что был глупцом, когда связался с Ириной. И завещание не написал: ведь, очаровавшись новой супругой, и подумать не мог, что она так поступит с Марусей и Сашкой. Хотя все на это еще тогда указывало, но я же верил ей слепо и никого слушать не хотел.

Господи! Да сколько таких случаев по жизни. Умнейшие мужчины: академики, политики, писатели — ведут себя словно пятилетние дети, и любая ловкая дамочка со смазливой мордашкой может вертеть ими как угодно и куда угодно.

Я подавил тяжкий вздох.

— Сергей, ты вообще в курсе, что у академика было? — перешел к делу Караяннис. — Квартира, счета, машина?

— Квартира в центре Москвы точно была. Хорошая. Машина, гараж. Накопления должны были быть — он всю жизнь работал, не бедствовал.

— И вдруг — «нечего наследовать»?

— Выходит, так.

Караяннис помолчал. Я слышал, как на заднем плане объявляют рейсы.

— Слушай, — сказал он наконец, — я такое уже видел. Не раз и не два. Если вдова молодая, а дети от первого брака, и она говорит, что наследства нет — значит, его вывели заранее.

— В смысле «вывели»?

— В прямом. Договоры дарения с датой за несколько месяцев до смерти. Квартиру — теще или сестре. Машину — какому-нибудь ООО «Ромашка». Счета обнуляются по доверенности, пока банк не узнал о смерти. Классика, Сергей. Потом дети приходят к нотариусу, а тот разводит руками: извините, наследственная масса отсутствует.

У меня похолодело внутри. Не потому, что я не ожидал такого от Ирины — очень даже ожидал. Но услышать это так буднично, как типовую схему...

— И что, это законно?

— Формально — да. Человек имеет право распоряжаться своим имуществом при жизни. Но если договоры подписаны под давлением или когда человек уже был недееспособен, или... — он сделал паузу, — или вообще после смерти, задним числом — тогда это мошенничество. В особо крупном.

Я промолчал, переваривая, а Караяннис добавил:

— Это пока только мои догадки. Может, все чисто, и академик действительно сам переписал имущество на любимую жену. Бывает. Но если ты говоришь, что он детей любил и просто завещание не оставил по разгильдяйству, тогда вряд ли он сознательно оставил бы их ни с чем.

Я вспомнил Марусю и то, как гордился ее кандидатской, как мечтал увидеть докторскую и как откладывал деньги ей на квартиру — чтобы наконец съехала от этого своего бездельника... Нет, я бы никогда не оставил ее без копейки. Никогда.

— Не оставил бы, — сказал я вслух.

— Вот. Значит, либо его обманули, либо подпись подделали. Слушай, посадка уже, минута у меня. Что конкретно надо?

— Первое: помочь детям разобраться с наследством. Выяснить, что случилось с имуществом, и оспорить, если там афера. Второе...

Я помедлил.

— Второе? — нетерпеливо напомнил о себе Караяннис.

— Второе — разобраться в обстоятельствах смерти. Слишком много странного, Артур Давидович. Кремация в спешке, пропавшие научные материалы. И коллега, который подозрительно быстро опубликовал исследования покойного под своим именем.

— Та-а-ак, — протянул Караяннис. — Это ты мне уже уголовку описываешь. Причем, может, и не одну статью.

— Знаю.

— И все равно хочешь копать?

— Хочу.

— Ты хоть соображаешь, насколько это малореально? — после небольшой паузы пробормотал Караяннис. Тон у него был ошарашенный, и я невольно позлорадствовал, что таки умудрился смутить великого адвоката.

— Уверен, что с вашей помощью мы с этой проблемой отлично справимся, — чуток подсластил пилюлю я.

— Это тебе обойдется... — Караяннис на миг замялся и весело хохотнул: — ...в годовой бюджет Люксембурга, или я не я! Так что два дня у тебя есть на раздумья, и, если сдашь назад, я пойму.

— Русские не сдаются! — пафосно крикнул я и приосанился.

Пивасик услышал, открыл один глаз, невнимательно вякнул: «Матушка-земля!» — и продолжил спать дальше.

— Ну смотри! Сам ввязался! — засмеялся Караяннис и добавил со вздохом: — Все, я уже в самолете. Вернусь — созвонимся, и тогда я тебя выверну наизнанку, но узнаю, зачем тебе это все... Мне нужны будут доверенности от детей и желательно все, что они смогут достать. Выписки, справки, любые документы. Будем смотреть, что там за схема.

— Сделаю.

— До связи. — И он отключился.

— До связи, — пробормотал я в молчащую трубку и добавил, уже отняв телефон от уха: — Ага, так я тебе и признался, что стал попаданцем. Вот придет твоя очередь умирать — сам узнаешь, каково это, Артур Давидович.

Я откинулся на подушку, глядя в потолок.

Попытался вспомнить последние месяцы. Что я подписывал? Ирина часто подсовывала какие-то бумаги: «У тебя такой почерк неразборчивый, Сереженька, давай я сама заполню, тебе только подписать». Я подписывал не глядя. Ну да, пожилой академик, доктор наук ставил подпись под неведомыми документами, потому что молодая жена ему мило улыбалась. Подписывал ли я дарственную на квартиру? Не помню. Может, и подписывал, думая, что это счет за ремонт дачи. А может, и не подписывал вовсе. Может, там стоит подпись, которую я никогда не ставил. Вот это и предстоит выяснить.

Но сейчас этот вопрос можно отложить.

Я положил телефон на тумбочку, с подвыванием зевнул и потянулся. Уф, хорошо!

— Смурфик! — неодобрительно прокомментировал мое не очень культурное поведение Пивасик.

— От смурфика слышу, — свирепо проворчал я и пошел умываться.

Все равно сна уже ни в одном глазу не было.

Когда я вернулся на кухню, туда залетел Пивасик, который явно научился открывать клювом дверцу клетки. Он посмотрел на меня жуликоватым взглядом, затем хитро подмигнул. Ну, вряд ли мне это показалось. Стопроцентно подмигнул!

После этого он подлетел к мирно дрыхнущему Валере и легонько клюнул его хвост. Ошарашенный кошак моментально подскочил на полметра. От неожиданности он зашипел, выпустил когти, и шерсть у него на загривке вздыбилась.

— Валера — суслик! — радостно хохотнул Пивасик, а затем применил вообще запрещенный прием: подлетел к его миске и принялся остервенело и громко тюкать по ней клювом, периодически помогая себе лапой.

Стерпеть такое издевательство Валера уже не мог. Чтобы какой-то там общипанный Пивасик клевал из его личной миски?! Возмущенно заверещав что-то на могучем котячьем, он взвился и мощным прыжком напрыгнул на Пивасика. Точнее, попытался. Пернатый гад вальяжно взлетел и уже с высоты полюбовался тем, как Валера неловко плюхнулся прямо в миску с водой, расплескав ее по всему полу.

Мокрый Валера взвыл дурниной, а аферист Пивасик назидательно сообщил:

— Прекрати херню творить! Учи уроки, суслик! — И обидно так захохотал.

Мокрый, несчастный Валера выбрался из миски и, оставляя после себя разводы, поплелся прочь из кухни, волоча за собой хвост и тяжело припадая на переднюю лапу.

Я схватился за сердце. Но не успел среагировать, как Пивасик подлетел к Валере, приземлился на пол прямо перед ним и жалостливо сказал:

— Бедненький!

И это оказалось его роковой ошибкой — Валера взвился и ухватил Пивасика за крыло зубами. Тот попытался вырваться, но куда там! Валера пригвоздил его лапой к полу и угрожающе зарычал.

Я не стал ждать, пока Валера откусит ему голову. Или что он там планировал. Отобрал возмущенно вопящего попугая и посадил его обратно в клетку. А Валеру вытер насухо полотенцем и насыпал ему корма.

— Ешь давай, — проворчал я. — Заманали уже, суслики. Оба!

Задав корму еще и Пивасику, я убедился, что зоопарк на ближайшие несколько минут занят и взаимного членовредительства пока не предвидится, а сам вышел во двор.

Раз уж живу в сельской местности и в частном доме с большим двором — нужно воспользоваться такой возможностью по полной программе. Поэтому я решил каждое утро обливаться во дворе холодной водой. Взял ведро, набрал в него из колонки обжигающе ледяной воды, сбросил куртку и вылил все это дело прямо на себя.

В первый миг — внезапный шок! Ощущения такие, словно мир на долю секунды исчез, звуки оборвались, а в голове не осталось ни единой мысли. Словно ты существуешь в ледяной пустоте.

Потом наступил холод. Не постепенно, а резко. Он пришел откуда-то изнутри, из-под ребер, из позвоночника и сердца, пронзая до самых костей. Воздух вырвался из легких одним коротким, резким «Ха!», и тело словно сжалось в пружину. Каждый мускул пришел в тонус, а кожа покрылась пупырышками.

А потом вскипела кровь. Внутренний жар разгорелся и жажнул навстречу холоду. Волной прокатился озноб. А затем пришла ясность. Абсолютная. Мощная. В ушах зазвенела тишина, но внутри я почувствовал огонь и энергию.

Затем начал вытираться. Для этого лучше брать максимально жесткое полотенце. Тогда одновременно и массаж будет. Небольшой. Зато лимфодренажный. От него кожа аж зажглась, но это было очень даже приятно. Каждый мускул, каждая клетка — все наполнилось силой. Дыхание глубокое, полной грудью, на счет 4-7-8.

По сути, правильно выполненное обливание — это краткая клиническая смерть для апатии и мгновенное пробуждение всего организма. Тело аж визжит от неожиданности, зато потом благодарит тебя взрывом жизни.

И ты понимаешь, какой же это кайф!

Я всегда уважал обливание холодной водой. Большинство людей зря его недооценивают. Это довольно-таки мощный стимул для организма. Резкое охлаждение вызывает сужение сосудов и ускорение кровотока, что улучшает кровообращение. Тело, стремясь согреться, запускает активный обмен веществ и производство энергии. Этот процесс также усиливает циркуляцию лимфы и является полезным стрессом, мобилизующим гормональную систему. Холодная вода тонизирует нервную систему: активизирует работу мозга, обостряет концентра-

цию и ясность мысли. Глубокое дыхание, вызванное контактом с холодом, насыщает кровь кислородом, прогоняя усталость и сонливость. Регулярные процедуры укрепляют иммунитет, повышая сопротивляемость болезням. В итоге «побочными эффектами» становятся стойкая бодрость, улучшение настроения, повышение тонуса кожи и общее укрепление здоровья.

Я выдохнул и принялся торопливо натягивать куртку. Голова была мокрой, поэтому я планировал сразу бежать обратно в дом.

Но тут из-за забора послышался возглас:

— Дарова, сосед!

Я оглянулся. Справа, из соседнего двора, через забор заглядывал молодой мужик, примерно Серегин ровесник, только одутловатый и слишком уж толстый. Видимо, это и есть тот самый Игореша, сын Людмилы Степановны, соседки.

— Привет, Игорь, — сказал я наобум и однозначно угадал, потому что одутловатая рожа расплылась в довольной улыбке.

— О! Так ты меня уже знаешь!

— Ага, вчера Людмила Степановна про тебя рассказывала, — сказал я, начиная слегка дрожать от холода.

— Твой котяра к нам вчера влез и чуть дом не снес! — хохотнул сосед. — Так орал, капец!

— Это да, Валера может. — Мои зубы уже начали выбивать барабанную дробь.

— А ты врач, да? — опять спросил словоохотливый сосед, и я понял, что это надолго.

Поэтому сказал:

— Извини, сосед, тороплюсь. Давай потом поговорим! — И с этими словами юркнул в дом, пока общительный Игореша еще что-нибудь не спросил.

А дома было тепло.

Божечки, какой кайф! Я снял куртку и пошел на кухню. Энергии и бодрости было через край. Сделал себе завтрак и принялся варить кофе.

Валера уже доел и стал благодушен. Он развалился на коврике и лениво посматривал на меня. Пивасик безмолвствовал, очевидно, решил доспать.

На часах было шесть утра, и до начала рабочего дня оставалось аж два с половиной часа. И чем бы их занять? Сначала я думал, что бегать по Моркам не буду, люди не так поймут. Но после вчерашней выволочки Татьяне это было бы несправедливо — ее ругаю, а сам как суслик?

Поэтому я оставил кофе настаиваться, торопливо натянул спортивный костюм, благо волосы быстро подсохли, и помчался по улицам полусонного поселка.

Я не пробежал и трех сотен метров, после которых планировал переключиться на быструю ходьбу, как со стороны другой, противоположной улицы вышел пресловутый Ерофей Васильевич Смирнов. Который был, как обычно, пьян. Он чуть покачивался, но шел более-менее прямо и вполне даже бодро.

Деваться мне было некуда, свернуть тоже, потому что и с той, и с другой стороны топорщились заборы, которые стояли впритык. Оставалось или развернуться и бежать обратно, или же двигаться наперерез соседу.

Ну, как-то мы не привыкли бегать от проблем, поэтому я все-таки рванул вперед.

— Стой! — крикнул мне Смирнов и, видимо, для дополнительной иллюстрации замахал руками, словно пловец брассом.

Я остановился.

— Что? — спросил я.

— Слышь, сосед, — сказал он, щербато улыбаясь, — у тебя двести пятьдесят рэ занять будет? Я сразу верну. Мамой клянусь!

— Нет, — сказал я.

— Врешь, скотина! Че жлоб такой, а?! — возмутился Смирнов и замахнулся на меня, но запнулся, покачнувшись, и упал спиной на землю.

— Осторожнее, — сказал я, посмотрел на соседа, но тот уже спал, аж похрапывал.

Оставлять его лежать на холодной земле было как-то нехорошо и неправильно. А с другой стороны, что я с ним сейчас сделаю? Он бы и так, и так упал.

Приняв соломоново решение, я подтащил его к соседнему двору, где была вместительная скамейка, больше похожая на садовый диванчик, и взгромоздил туда. Так он хотя бы от холодной мокрой земли не заработает никаких проблем с почками.

После пробежки я отправился на работу в больницу. Да, не нравилось мне такое «условное» устройство на работу на птичьих правах, но выбирать не приходилось. Тем более что справка требовалась в аспирантуру, и чем скорее, тем лучше.

Сегодня в кабинете, который мне показала Лида, собрались все медицинские работники.

— Здравствуйте, — сказал я, заходя внутрь.

Все начали отвечать нестройным хором. Стулья уже были заняты, так что места для меня не нашлось, и я тихонечко пристроился у стеночки. А про себя усмехнулся — история с Сергеем повторялась. Карма у него, что ли, такая? В Казанской горбольнице № 9 ему тоже места не было.

Но я, как ученый, в карму хоть и верил, но придерживался мысли, что ее всегда можно скорректировать в нужную сторону. Однако сейчас решил чуток подождать. Нужно сначала присмотреться, что к чему.

Тем временем все меня исподтишка разглядывали. Но в разговоры не вступали. Пока во всяком случае.

Наконец появилась Александра Ивановна. Тяжелой поступью она ввалилась в кабинет, и сразу стало очень тесно.

— Здравствуйте! — буркнула она тоном очень занятого человека и сразу нахмурилась. — Бастраков! Где Бастраков?

От холодильника отлип юркий мужичок в халате:

— Я здесь, Александра Ивановна.

— Что там по расписанию? Вы Загайнова в Йошкар-Олу направили?

— Да, все документы подготовлены еще вчера, — принялся быстро-быстро отчитываться Бастраков. — После обеда пойдет машина, и отвезем.

— Хорошо, — кивнула Александра Ивановна. — А что по октябрьскому перерасходу? Где Зинаида Петровна?

— Она сказала, что задержится, — пискнула со своего места Лида.

— Она же знает, что у меня планерка с утра! — выверилась Александра Ивановна, но тут же резко остыла: — Ладно, когда появится — пусть сразу ко мне. Нам до вечера надо закрыть октябрьскую отчетность.

— Хорошо, — кивнула Лида, торопливо царапая указания в блокнот.

— Что еще? — спросила главврачиха и с подозрением посмотрела на коллектив.

Все втянули головы в плечи.

— Жалоба! — сказал Ачиков, который с гордостью сидел справа от Александры Ивановны. — От Чепайкина.

— Опять? — застонала Александра Ивановна. — Ну где я ему сейчас людей найду?! И так ничего не успеваем!

— Так у нас же теперь Сергей Николаевич есть, — вкрадчиво сообщил Ачиков и расплылся в доброй улыбке.

Глаза у Александры Ивановны вспыхнули, и они с Ачиковым понимающе переглянулись.

— Да, коллеги, знакомьтесь, — спохватилась она и кивнула на меня. — Епиходов Сергей Николаевич. Хирург. Нейрохирург. Из Казани.

Все заулыбались, а две молодые девушки в коротеньких белых халатиках стрельнули в меня глазками.

Александра Ивановна посмотрела на меня и добавила:

— Это за него звонили и просили из министерства.

При этих словах по кабинету прошелестел еле заметный гул.

Глава 7

В комнате воцарилась густая, ощутимая даже на ощупь тишина. На меня смотрели по-разному: со злостью, с завистью, с подозрением и даже с жалостью — равнодушным не остался никто.

Я мысленно ухмыльнулся, стараясь, чтобы на лице не отразились эмоции — знатно удружила мне Александра Ивановна, четкий ход. И весь коллектив против меня одним махом настроила, и соломки заодно себе подстелила. Так что, когда она меня отсюда выест (а в том, что выест, я теперь даже и не сомневался), вопросов к ней не возникнет: на Руси мздоимство было всегда, но тех, кого продвигали открыто, не любили никогда.

Поэтому комментировать я этот выпад не стал никак. Пока у меня ресурса нет, чтобы в подобной позиционной войне в лоб бодаться.

Нет, мы пойдем другим путем.

Вместо этого я спросил, переключая часть спектра эмоций коллектива:

— Так что там с Чепайкиным?

Ачиков, который со злым веселым интересом наблюдал, как яотреагирую на слова Александры Ивановны, сдулся и сказал серым голосом:

— Жалоба у Лиды находится. Нужно сходить к Чепайкину и проверить его диагноз. По необходимости провести лечение.

Они с главврачихой переглянулись.

— Да, Сергей Николаевич, сходите, — с добренькой улыбочкой сказала та. — Нужно вам начинать в работу включаться.

И опять такая ехидненькая усмешка, мол, ты вообще ничего не делаешь. Хотя на работу я только вышел, а свой первый час в больнице трачу на планерку. Но объяснять и оправдываться толку нет — позиционная война на этом вся и построена. Начнешь доказывать и объяснять очевидное, тебя потом еще истеричкой выставят.

Но в эти игры вполне успешно можно играть и вдвоем.

И я неплохо это умел.

Поэтому добавил, отзеркалив такую же «добренькую» усмешечку:

— Александра Ивановна, а консилиум когда будет? Чтобы я не опоздал.

— Какой еще консилиум? — недоуменно поджала губы она.

— Ну, вчера Сергей Кузьмич нам с Лидой сказал, что у вас здесь какой-то сложный случай с больным и он сам не справляется. Просил, чтобы я подключился, а то он диагностику не может провести.

Глаза Александры Ивановны полыхнули гневом, а Ачиков чуток сдулся и покраснел. Лида вжала голову в плечи и постаралась слиться с интерьером. Народ еле слышно зашумел, и градус в комнате чуть изменился. Ненамного, но атмосфера потеплела.

Чего я и добивался.

— Сергей Кузьмич — высококвалифицированный и опытный врач! — отчеканила Александра Ивановна и холодно посмотрела сначала на меня, затем на весь коллектив. — И успешно ставит диагнозы сам. Если он и хотел привлечь вас, Сергей Николаевич, то только с целью проверить вашу профессиональную компетентность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.